

36. A - 10306

Dpe.

№ 4

7305

Голодъ въ Совѣтской Россіи и его причины.

И. Корсаковъ.

78256

Юрьевъ 1922.

Типографія К. Маттисена.

Изданіе автора.

Ext. A

Tartu Ülikooli
Raamatukogu

28 701

i 46639160

Российская Библиотека
Е. Юрьев.

Голодь въ Совѣтской Россіи и его причины.

Засуха стихійное бѣдствіе. А передь стихійными бѣдствіями ужась поражаеть человѣческіе умы. Но оть перваго человѣка люди начали борьбу и нынѣ прогрессъ культуры достигъ той степени, которая позволяетъ человѣчеству успѣшно бороться со стихіями. Эта борьба успѣшна, когда люди руководствуются здравымъ умомъ и доброй волей. Ослѣпленный умъ и злая воля содѣйствуютъ разрушительной работѣ стихій, губяты культуру и несуть людямъ смерть.

Сейчасъ все это происходитъ въ Россіи.

Засуха и голодь во время революціи стали стихійными бѣдствіями русскаго народа. Размѣръ этихъ бѣдствій не только общерусскій, но общечеловѣческій. И бороться съ ними долженъ не одинъ русскій народъ, а весь культурный міръ.

Свѣдѣнія идущія изъ голодающей Россіи поражаютъ насъ ужасомъ и волнуютъ наши чувства. Но для того чтобы бороться со стихійными бѣдствіями, ослабить ихъ силу и избѣгнуть ихъ въ будущемъ, намъ нужно подчинить чувство разуму, противопоставить стихіи разумныя дѣйствія.

Для этого, прежде всего надо взглядѣться и вдуматься въ происходящее, уяснить причины бѣдствій и по возможности подсчитать ихъ размѣры.

Именно эти задачи ставятся для послѣдующаго изложенія.

Главнымъ матерьяломъ для изслѣдованія причинъ неурожая и голода послужили большевистскія газеты, помѣщающія въ послѣднее время много статистическихъ свѣдѣній и фактическихъ данныхъ о хозяйственномъ положеніи Россіи. Для этого по возможности использованы всѣ свѣдѣнія опубликованныя въ періодъ съ 1 Сентября 1920 года по 1 Января 1922 года въ газетахъ: Экономическая Жизнь, Продовольственная Газета, Московскія Извѣстія, Московская Правда, Петроградская Правда, Маховикъ и нѣкоторыя другія.

Для сопоставленія съ большевистскими данными взяты дореволюціонныя свѣдѣнія по сельскохозяйственной стати-

стикъ и продовольственному вопросу, опубликованныя Министерствомъ Земледѣлія и Особымъ Совѣщаніемъ по Продовольственному дѣлу.

Объясненія нѣкоторыхъ фактовъ сдѣланы на основаніи наблюденій лицъ, въ разное время выѣхавшихъ изъ предѣловъ Совѣтской Россіи.

Январь 1922 года.
Ревель.

I. Подготовка голода.

1) Продовольственная политика большевиковъ и постоянный голодъ городского населенія въ Совѣтской Россіи.

Въ Совѣтской Россіи голодъ не новинка. Теперь мрачныя свѣдѣнія изъ неурожайныхъ губерній заслоняютъ, уже привычныя, продолжающіеся изъ года въ годъ, описанія продовольственнаго оскудѣнія русскихъ городовъ. Обративъ же наше вниманіе на этотъ вопросъ, мы конечно должны признать, что цѣлый рядъ категорій русскихъ гражданъ, въ общемъ составляющихъ много милліоновъ человѣкъ, голодаютъ уже давно, голодаютъ страшно, вплоть до полного истощенія и голодной смерти.

Къ началу революціи въ Европейской Россіи было свыше 15.000.000 городскихъ жителей. Въ большевистскія времена почти всѣ они вели голодное или полуголодное существованіе. Также голодали рабочіе крупныхъ промышленныхъ раіоновъ внѣ городскихъ поселеній, не обезпеченные земельной осѣдлостью. Въ широкомъ масштабѣ это явленіе наблюдалось въ Донецкомъ бассейнѣ и въ Иваново-Вознесенскомъ раіонѣ. Наконецъ все послѣднее время, когда большевистская система получила полное развитіе, голодали также желѣзнодорожныя рабочіе, несмотря на то, что они являлись привилегированной категоріей гражданъ совѣтскаго государства. Словомъ голодали всѣ тѣ, кто не имѣлъ земли и не производилъ самолично хлѣбныхъ и другихъ продовольственныхъ продуктовъ. По дореволюціонной статистикѣ, изъ общаго числа жителей Россійской Имперіи, такихъ было 14—15%, то есть примѣрно 25.000.000 человѣкъ.

Степень голоданія измѣнялась въ зависимости отъ времени и мѣста. Совсѣмъ избѣгнуть голода могли лица близкія къ важнѣйшимъ совѣтскимъ учрежденіямъ, партійные коммунисты и люди особенно ловкіе въ дѣлѣ подпольной спекуляціи. Многіе изъ нихъ даже успѣшно увеличили свое благо состояніе за счетъ остальныхъ. Но число такихъ людей

совершенно ничтожно. На всю Россію оно должно исчисляться десятками, можетъ быть сотней тысячъ человѣкъ. Милліоны же людей голодали. Общее правило было — острый недостатокъ продовольствія и крайняя недостаточность питанія каждаго отдѣльнаго человѣка. Цифры публикуемыя совѣтскими учрежденіями съ достаточной яркостью обрисовываютъ этотъ фактъ.

Воспользовавшись, введенной еще Временнымъ Правительствомъ, хлѣбной монополіей, большевики съ самаго начала своей дѣятельности, стали примѣнять социалистическій методъ принудительнаго государственнаго снабженія населенія продовольствіемъ. Этимъ самымъ, въ принципѣ отрицалась какая-либо частная работа въ продовольственномъ дѣлѣ. Поэтому большевистскія власти всѣмѣрно стремились возможно скорѣе уничтожить всякую частную торговлю хлѣбомъ, прибѣгая для этого къ жесточайшему террору. Въ то же время они пытались создать совѣтскую продовольственную организацію, долженствующую распоряжаться всѣми хлѣбными и иными продовольственными ресурсами страны.

Объ эти задачи оказались невыполнимыми.

Правда, большевикамъ удалось уничтожить всю крупную торговлю хлѣбомъ и нарушить нормальный ходъ мелкой торговли. Но искаженная форма мелкой частной торговли — подпольное мѣшечничество, оказалось непреборимой даже для большевистской энергіи.

Параллельно съ разрушеніемъ, большевики пробовали и созидать. Много изобрѣтательности и труда было положено ими на устройство государственнаго продовольственнаго аппарата. Центральнымъ учрежденіемъ этой организаціи является Народный Комиссаріатъ Продовольствія — Наркомпродъ. Во все время его существованія, главную роль въ этомъ учрежденіи игралъ замѣститель Предсѣдателя — Брюхановъ. Онъ является дѣйствительнымъ руководителемъ продовольственной политики большевиковъ. Продовольственные органы большевиковъ все время измѣнялись, усложнялись, упрощались, но всегда имѣли одну цѣль — проникнуть, какъ можно глубже въ хозяйственную жизнь страны, ради насильственнаго изъятія отъ населенія въ пользу совѣтской власти, возможно большаго количества продуктовъ продовольствія. Значеніе Наркомпрода все усиливалось по мѣрѣ укрѣпленія совѣтской власти и развитія заготовительныхъ операцій. Апогей мощности этого учрежденія былъ осенью 1920 года, когда постановленіемъ ВЦИК отъ 27 Сентября было предписано „сосредоточить все дѣло распредѣленія предметовъ потребленія и личнаго пользованія въ Наркомпродъ, превративъ распредѣлительные органы всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ и учрежденій въ органы Наркомпрода“. Въ то же время декретомъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ

было приказано всё продукты питания и предметы первой необходимости, кроме предназначенных для экспорта и дальнейшей переработки, предоставлять в распоряжение Наркомпрода. Таким образом Наркомпрод явился центром, долженствующим собирать всё жизненные ресурсы страны и в то же время центром, руководящим распределением этих ресурсов. Но имѣя двѣ связанные другъ съ другомъ задачи: заготовки и распределенія, Наркомпродъ, при выполнении каждой изъ этихъ задачъ, занялъ совершенно различныя позиціи, какъ по отношенію другихъ совѣтскихъ учреждений, такъ и по отношенію къ населенію страны. Въ дѣлѣ распределенія продовольствія пришлось ограничиться снабженіемъ сравнительно небольшой части населенія. Хотя, теоритически продовольствіе всѣхъ жителей Совѣтской республики должно было производиться коммунистическимъ порядкомъ, на практикѣ совѣтская власть пыталась снабжать только красную армію, служащихъ совѣтскихъ учреждений, рабочихъ важнѣйшихъ промышленныхъ предпріятій и жителей крупнѣйшихъ городовъ. Всѣмъ остальнымъ жителямъ страны: сельскому населенію и населенію громаднаго большинства городовъ, до весны 1921 года запрещалось покупать продукты продовольствія, но въ то же время предоставлялось питаться своими средствами, безъ помощи совѣтской продовольственной организаци. Въ большей части небольшихъ городовъ, при полномъ запрещеніи торговыхъ сдѣлокъ, не только фактически отсутствовало снабженіе черезъ совѣтскія учреждения, но даже и теоритически не вводилась карточная система, символизирующая государственныи порядокъ снабженія. Къ категоріямъ населенія, официально состоящимъ на пайкѣ, отношеніе большевистской продовольственной организаци было тоже различно. Въ первую очередь она старалась удовлетворить нужду красной арміи и центральныхъ совѣтскихъ учреждений, затѣмъ снабжала по мѣрѣ возможности рабочихъ наиболѣе важныхъ „ударныхъ“ предпріятіи и только при наличіи остатковъ, раздавала ихъ остальнымъ городскимъ жителямъ.

Заготовительныя операціи Наркомпрода захватывали несравненно большій кругъ населенія — всѣхъ производящихъ хлѣбъ и другіе продукты питания.

При распределеніи продовольствія Наркомпроду приходилось выполнять требованія заявленныя другими учреждениями и не всегда можно было вступать съ ними въ прерѣканія. При заготовкахъ наоборотъ, Наркомпродъ являлся полновластнымъ хозяиномъ, которому обязаны были помогать всѣ большевистскіе органы, включая красную армію и партійныя коммунистическія ячейки. Такъ во время заготовокъ осенью 1920 года „въ Орлѣ было мобилизовано около 200 партійныхъ работниковъ и до 1.000 товарищей изъ профсоюзовъ. Въ

Витебскѣ съ помощью Губпродкома проведена мобилизація свыше 100 партійныхъ работниковъ и около 100 работниковъ профсоюзовъ, въ Пензѣ, помимо мобилизаціи партійной и профсоюзовъ, было мобилизовано изъ другихъ совѣтскихъ учреждений 130 служащихъ. Вся работа продоргановъ принимаетъ боевой характеръ“. Подобныя свѣдѣнія часто опубликовывались въ совѣтскихъ газетахъ. Осенью 1920 года для содѣйствія мѣстнымъ органамъ Губпродкомамъ, были созданы Губернскія Продовольственныя Совѣщанія во главѣ съ уполномоченными ВЦИК. Въ то же время губерній раздѣлены на районы, завѣдываніе которыми поручено уполномоченнымъ Губпродкомовъ. Такія мѣры, по свидѣтельству Брюханова, значительно усилили ходъ заготовокъ. Въроятноѣе, впрочемъ, что усиленіе заготовокъ было вызвано не столько организаціей Губпродсовѣщаній, сколько усиленіемъ военныхъ мѣропріятій карательнаго характера.

Вотъ итоги ежегодныхъ работъ большевистской продовольственной организаціи.

Въ первый годъ существованія совѣтской власти, ея продовольственный аппаратъ былъ еще не налаженъ. По всей Россіи въ продовольственный періодъ 1917/18 года хлѣбная заготовка была проведена въ размѣрѣ 10.000.000 пудовъ. Мы не имѣемъ подсчета урожая 1917 года. Въ предшествовавшемъ 1916 году по даннымъ Министерства Земледѣлія на территоріи соотвѣтствующей РСФСР было засѣяно 73.000.000 десятинъ и сборъ хлѣбовъ съ этой площади равнялся 3.521.802.000 пудовъ. Въ 1917 году можно предполагать нѣкоторое сокращеніе какъ площади такъ и сбора, но такъ какъ оно не было велико, послѣдующее соотношеніе сохранить свою показательность. Собранные продовольственной организаціей 10.000.000 пудовъ, составляютъ менѣе трехъ тысячныхъ общаго сбора хлѣбныхъ продуктовъ и раскладываются на десятину посѣва въ видѣ 0,14 пуда или 5,6 фунта. При 25.000.000 жителей не занимающихся земледѣліемъ, на cadaго изъ нихъ приходилось въ годъ по 0,4 пуда или по 16 фунтовъ. Эти цифры ясно показываютъ, что въ 1917/18 году совѣтская продовольственная операція имѣла ничтожное значеніе въ общемъ продовольственномъ оборотѣ страны, особенно, если принять во вниманіе наличность въ тѣ времена многомилліонной арміи. Слѣдовательно продовольствіе почти всего населенія проходило мимо совѣтской организаціи.

Въ слѣдующемъ 1918/19 году большевики послѣдовательно и энергично стали проводить систему государственнаго продовольствія. Запрещеніе частной торговли получило дѣйствительную силу и увеличилась правительственная заготовка хлѣба. По продовольственному плану было назначено собрать 260.000.000 пудовъ. Было собрано втеченіе продовольственной кампаніи — 110.000.000 пудовъ хлѣба.

Устанавливая соотношение подобно предидущему году, получим слѣдующія цифры. Хлѣбная заготовка въ 110.000.000 пудовъ составляетъ около 3⁰/₀ общаго сбора хлѣбовъ въ 1916 году, раскладывается на десятину посѣва, какъ 1,5 пуда и составляетъ 4,4 пуда въ годъ хлѣба на каждого жителя не занимающагося земледѣліемъ. Конечно, такой расчетъ очень приблизителенъ. Площадь посѣва и сборъ хлѣбовъ въ разсматриваемомъ году еще уменьшились. Но такое примѣрное исчисленіе показываетъ, что продовольственная заготовка 1918/19 года въ видѣ натуральной повинности, по своимъ размѣрамъ не могла быть непосильной для населенія и въ общемъ хлѣбномъ балансѣ играла незначительную роль. Въ то же время, сокращеніе городского и промышленнаго населенія въ 1918/19 году еще не было очень значительно и красная армія требовала большое количество хлѣба. Поэтому, можно считать, что средняя норма 4,4 пуда въ годъ не далека отъ реальности. Въ мѣсяць это составляетъ 14 фунтовъ или менѣе полуфунта въ день. Частная подпольная покупка хлѣба поэтому должна была сохранить все свое значеніе, хотя вслѣдствіе большихъ строгостей и роста цѣнъ приобрѣтеніе вольнаго хлѣба становилось все затруднительнѣе.

На 1919/20 годъ продовольственный планъ предусматривалъ заготовку 411.000.000 пудовъ хлѣба. Заготовлено было 265.000.000 пудовъ. Площадь посѣва въ этомъ году, по вычисленіямъ большевистскихъ учреждений сократилась на 16,4⁰/₀. Есть всѣ основанія думать, что сокращеніе было на самомъ дѣлѣ больше, но болѣе точныхъ цифровыхъ данныхъ мы не имѣемъ. Соответственно уменьшая площадь посѣва и сборъ, мы можемъ установить отношеніе хлѣбной заготовки 1919/20 года къ общему сбору хлѣбовъ около 9⁰/₀, причемъ на каждую десятину посѣва ложится 4,4 пуда. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что значительная часть страны была въ это время охвачена гражданской войной. Тѣмъ тяжелѣе ложилась натуральная повинность на остальное населеніе.

Переходя къ 1920/21 году мы видимъ, что заданіе продовольственнаго плана было еще увеличено — было рѣшено собрать въ видѣ натуральной повинности 454.000.000 пудовъ хлѣбныхъ продуктовъ. Но фактическій сборъ почти не превзошелъ предидущаго года и на 1 іюля оказался 287.000.000 пудовъ. По совѣтскимъ даннымъ въ 1920 году площадь посѣва сократилась на 38⁰/₀, по отношенію къ площади 1916 года. Кромѣ того должны быть скинуты со счета губерніи пораженныя неурожаемъ, изъ которыхъ хлѣбъ не вывозился. Такими официально были признаны: Калужская, Орловская, Воронежская и половина Тульской. Посѣвная площадь этого района въ 1916 году была около

5.000.000 десятинъ. Если мы руководствуясь этими цифрами уменьшимъ площадь посѣва, то для 1920 года она будетъ около 45.000.000 десятинъ. Общій сборъ придется предположить не свыше 1.850.000.000 пудовъ. Отношеніе хлѣбной заготовки къ общему сбору будетъ 15,5%, на каждую десятину посѣва ляжетъ 6,4 пуда натуральной повинности. Если принять во вниманіе, что въ дѣйствительности повинность взималась крайне неравномѣрно, что отъ нея ускользали повстанческіе районы и ей въ меньшей степени подлежали мѣстности съ обычнымъ недостаткомъ хлѣбовъ, то слѣдуетъ признать, что на районы поставлявшіе хлѣбъ повинность ложилась довольно тяжелымъ бременемъ.

Какъ видно изъ только что сказаннаго, общее количество хлѣба заготовленнаго въ продовольственную кампанію 1920/21 года, было нѣсколько больше, чѣмъ въ предидущій годъ. Казалось бы, сообразно съ этимъ продовольственное положеніе должно было, если не улучшиться, во всякомъ случаѣ не ухудшиться. Между тѣмъ въ началѣ 1921 года обнаружился острый продовольственный кризисъ, который къ веснѣ все болѣе увеличивался. На Январь продовольственный планъ совѣтской организаціи предусматривалъ мѣсячный расходъ хлѣба для питанія населенія въ 25.000.000 пудовъ. Наличный запасъ хлѣба къ 1 Февраля былъ всего 80.000.000 пудовъ, вмѣсто требующихся 175.000.000 пудовъ. Въ Февралѣ было назначено къ израсходованію 24.000.000 пуд., но уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ — Мартѣ планъ снабженія былъ сокращенъ до 15.000.000 пудовъ. Уменьшеніе поступленій натуральной повинности и плохой подвозъ хлѣба къ мѣстамъ потребленія вынудилъ совѣтскія власти къ новому сокращенію плана снабженія на Апрель до 12.000.000 пудовъ. При этомъ совѣтская печать высказывала пессимистическія предположенія о невозможности фактически выполнить и этотъ сокращенный планъ. По свѣдѣніямъ на 15 Апрѣля наличность хлѣбныхъ запасовъ была 30.000.000 пудовъ, изъ которыхъ 6.000.000 пудовъ оказались разграбленными на ссыпныхъ пунктахъ.

Фактъ ухудшенія продовольственнаго дѣла объясняется многими причинами. Въ отношеніи заготовокъ, темпъ работы, взятый совѣтскими учрежденіями въ началѣ продовольственной кампаніи осенью 1920 года, не удалось выдержать до конца. Стремленіе удовлетворить хлѣбомъ населеніе, изголодавшееся лѣтомъ передъ сборомъ урожая, заставляло большевиковъ особенно рьяно собирать натуральную повинность съ осени. Невозможность подвести къ потребляющимъ центрамъ продовольствіе заготавливаемое въ Сибири и на Кавказѣ, вынуждало собирать хлѣбъ по преимуществу внутри Европейской Россіи. Между тѣмъ, значительный районъ черномоземной полосы оказался неурожайнымъ, такъ что тяжесть

хлѣбной повинности усиленно легла на губерніи не затрунутыя неурожаемъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбъ у населенія былъ, продовольственная организація старалась его еще съ осени получить себѣ, хотя бы цѣною самыхъ жестокихъ экзекуцій. Не даромъ еще до начала продовольственной кампаніи, Замѣститель Комиссара Продовольствія Брюхановъ предсказывалъ, что „борьба со скрываніемъ государственныхъ запасовъ хлѣба будетъ очень трудная. Помимо агитаціонныхъ, пропагандистскихъ и организаціонныхъ мѣръ, мы совершенно опредѣленно вынуждены будемъ въ цѣломъ рядѣ губерній въ борьбѣ съ кулачествомъ вступить на путь примѣненія военной силы. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ въ этомъ отношеніи принялъ цѣлый рядъ рѣшеній, въ результатѣ, которыхъ, мы значительно увеличимъ кадры военныхъ силъ предназначенныхъ для продовольственной работы“. Дѣйствительно осенью 1920 года большевики вели непрерывную вооруженную борьбу съ населеніемъ ради полученія хлѣба. Результатомъ этой борьбы явился правда усиленный подвоз хлѣба въ мѣста потребленія, но скоро обнаружилось полное истощеніе запасовъ хлѣба на мѣстахъ производства. Оказалось, что въ Февралѣ 1921 года борьба за хлѣбъ въ центральныхъ губерніяхъ стала уже бессмысленной и безцѣльной. Хлѣба все равно больше не было. Поэтому заготовки хлѣба въ центрѣ Россіи были прекращены въ концѣ Февраля. Вмѣстѣ съ этимъ сократилась быстрота хода заготовокъ. Такимъ образомъ усиленная заготовка и расходъ хлѣба осенью повели къ ухудшенію продовольственнаго дѣла весной. Другой существенной причиной продовольственной разрухи является топливный и связанный съ нимъ транспортный кризисъ зимы 1921 года. Невозможность подвести уже заготовленный хлѣбъ къ мѣстамъ потребленія спутывала всѣ продовольственные планы. Вслѣдствіе этого совѣтская власть, то усиливала выдачу и спѣшила отдать населенію невыданные за прежніе мѣсяцы пайки, то вовсе прекращала раздачу хлѣба. Въ этой продовольственной путаницѣ части населенія удавалось урвать отъ продовольственныхъ органовъ нѣкоторое количество хлѣба сверхъ назначеннаго по плану. Зато въ другихъ мѣстахъ планъ не могъ быть выполненъ, хотя бы приблизительно.

Во всякомъ случаѣ, самый планъ снабженія былъ исчисленъ по голоднымъ нормамъ и отнюдь не могъ удовлетворить нужды населенія. Въ этомъ насъ легко могутъ убѣдить пайковыя нормы выдачъ хлѣба.

Въ началѣ послѣдняго продовольственнаго періода была введена новая карточная система. Во время ея введенія еще не былъ реализованъ урожай 1920 года. Поэтому размѣръ пайковъ былъ очень малъ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ назначилось къ выдачѣ: рабочимъ ударныхъ заводовъ —

2 фунта хлѣба въ день, категоріи потребителей „А“ — 1 фунтъ, категоріи „Б“ — $\frac{1}{2}$ фунта, категоріи „В“ — $\frac{1}{4}$ фунта. Къ 1 Сентября въ Москвѣ насчитывалось 1.117.405 жителей получавшихъ пайки. Назначено было по продовольственному плану на Сентябрь къ доставкѣ ежедневно 35 вагоновъ хлѣба, то есть 1.050.000 пудовъ въ мѣсяцъ. На каждого жителя такимъ образомъ въ среднемъ должно было получиться немножко больше 37 фунтовъ въ мѣсяцъ. Дѣйствительное прибытіе въ Москву хлѣба въ Сентябрѣ было 434 вагона, примѣрно 434.000 пудовъ. На жителя въ среднемъ это приходилось 15,5 фунта въ мѣсяцъ. Конечно при такихъ цифрахъ не приходится говорить о сытости населенія. Когда упомянутыя выше осеннія заготовительныя операціи большевиковъ развернулись, прибытіе хлѣба къ мѣстамъ потребления улучшилось. Сообразно съ этимъ въ Москвѣ, Петербургѣ и Иваново-Вознесенскѣ, продовольствіе котораго было уравнено со столицами, размѣры пайковъ были увеличены. Категорія „А“ стала получать — 2 фунта въ день, „Б“ — $1\frac{1}{2}$ фунта, „В“ — $1\frac{1}{8}$ фунта и еще послѣдняя категорія $\frac{3}{4}$ фунта въ день. Но такая выдача продолжалась не долго. Затрудненія съ подвозомъ хлѣба вынудили сокращеніе пайка съ 22 Января 1921 года на $\frac{1}{3}$. Въ концѣ Февраля послѣдовало новое сокращеніе и пайки были назначены такіе: категорія „А“ — 1 фунтъ, „Б“ — $\frac{1}{3}$ фунта, „В“, — $\frac{1}{6}$ фунта въ день. Въ Маѣ мѣсяцѣ въ Петроградѣ полагалось выдавать: ударной категоріи — 1 фунтъ, категоріи „А“ — $\frac{1}{2}$ фунта, категоріи „Б“ — $\frac{1}{4}$ фунта въ день. Но даже такая выдача хлѣба на 600.000 примѣрно жителей Петербурга была не по силамъ большевистской продовольственной организаціи. Какъ свидѣтельствуетъ „Красная Газета“ въ номерѣ отъ 10 Мая, постоянно происходила задержка выдачи пайковъ на нѣсколько дней.

Петербургъ, Москва и Иваново-Вознесенскъ составляли особую, если такъ можно сказать, привилегированную часть Россіи. Въ провинціи пайки, гдѣ они были введены, выдавались менѣе регулярно чѣмъ въ столицахъ. Тѣмъ не менѣе запрещеніе торговли въ нихъ дѣйствовало также какъ и повсюду. Такимъ образомъ горожанамъ приходилось изъ года въ годъ изощряться въ подпольной спекуляціи.

Для характеристики порядка снабженія рабочихъ въ городскихъ заводахъ, можно привести нѣсколько примѣровъ изъ опубликованныхъ въ большевистскихъ газетахъ. Въ Августѣ 1920 года на Кулебакскомъ заводѣ было выдано хлѣба за мѣсяцъ: рабочимъ по 8 фунтовъ и членамъ рабочихъ по 4 фунта. На Выксунскомъ заводѣ за тотъ же мѣсяцъ было выдано рабочимъ по 25 фунтовъ и членамъ семей по 18 фунтовъ. Но такое благополучіе было кажущимся, такъ какъ было куплено цѣной долгихъ лишеній. По объ-

ясненіямъ „Московской Правды“ три пятыхъ августовской выдачи на Выксѣ являлось долгомъ за прежніе мѣсяцы. Такимъ образомъ собственно за Августъ было выдано рабочимъ — по 10 фунтовъ, а членамъ ихъ семей — по 7 фунтовъ хлѣба. Для Донецкаго бассейна, въ которомъ рабочее население въ 1920 году считалось 1.000.000 человекъ, были установлены такія нормы: забойщикамъ — 56 фунтовъ хлѣба въ мѣсяць, подземнымъ рабочимъ — 45 фунтовъ, надземнымъ — 33 фунта, семьямъ рабочимъ всѣхъ категорій — $16\frac{7}{8}$ фунта въ мѣсяць. Въ теченіе первой половины 1920 года снабженіе рабочихъ бассейна производилось фактически въ размѣрѣ 50% нормы. По свѣдѣніямъ за первую треть 1921 года рабочіе Донецкаго бассейна также получали 50% нормы продовольствія.

Изъ всѣхъ отраслей народнаго хозяйства, едва ли не больше всего вниманія большевики удѣляли желѣзнымъ дорогамъ. Поэтому особенно показательными являются цифры снабженія желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Число лицъ этой категоріи было осенью 1920 года 1.300.000. Въ Августѣ 1920 года служащіе и рабочіе Московскаго желѣзнодорожнаго узла получали хлѣбъ по нормѣ 10 фунтовъ въ мѣсяць, семьи рабочихъ — 5 фунтовъ. На Сентябрь мѣсяць того же года норма была установлена для всѣхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ по 15 фунтовъ въ мѣсяць на рабочаго и по 10 фунтовъ на члена семьи. Но уже въ Январѣ 1921 года желѣзнодорожники Харьковскаго узла получали только по 6 фунтовъ, а желѣзнодорожники Московско-Виндавско-Рыбинской дороги во всю первую треть 1921 года получали 26% нормы снабженія.

Всѣ вышеприведенныя цифры съ ясностью показываютъ, что совѣтское правительство, несмотря на всѣ усилія, не могло, хотя бы приблизительно, удовлетворить нужду въ хлѣбѣ населенія, живущаго обычно покупнымъ хлѣбомъ, а при коммунистическомъ строѣ обрѣченнаго на питаніе пайкомъ. Наиболѣе успѣшный сборъ хлѣбной натуральной повинности въ 1920/21 году все же оказался совершенно недостаточнымъ для прокормленія населенія, а сами большевики убѣдились въ невозможности увеличить сборъ въ будущемъ. Когда обсуждался вопросъ о замѣнѣ натуральной повинности натуральнымъ налогомъ, Ленинъ указалъ на предположительный контингентъ налога въ 245.000.000 пудовъ, что является уменьшеніемъ противъ сбора 1920/21 года на 15%.

Несмотря на явную невозможность продовольствовать населеніе государственнымъ порядкомъ, большевики съ самаго захвата власти до Марта 1921 года упорно проводили запрещеніе частной торговли продовольствіемъ. Какъ уже сказано выше запрещеніе это не могло быть проведено въ

жизнь полностью. — необходимость прикупать хлѣбъ къ пайку совершенно очевидна при указанныхъ выше нормахъ пайковыхъ выдачъ. Вольный хлѣбный рынокъ продолжалъ существовать во все время большевистскаго господства въ видѣ подпольнаго мѣшечничества, хотя продовольственныя мѣропріятія совѣтскихъ властей отражались на этомъ рынкѣ крайнѣ неблагопріятно для населенія. Вольная доставка хлѣба въ мѣста потребленія все уменьшалась, цѣны на хлѣбъ росли со сказочной быстротой.

Къ моменту революціи 27 Февраля 1917 года цѣна на хлѣбъ въ Петербургѣ была $3\frac{1}{2}$ копейки за фунтъ. Черезъ годъ, весной 1918 года, послѣ полугодоваго правленія большевиковъ цѣна была уже 1 рубль за фунтъ. Въ это время еще только начинала дѣйствовать большевистская продовольственная организація. Къ концу 1918 года цѣна на хлѣбъ возросла до 16 рублей, а въ Маѣ 1919 года была около 30 рублей. Въ началѣ 1920 года цѣна увеличилась до 250 рублей, а въ концѣ того же года до 500 рублей за фунтъ. Такъ послѣдовательно сказались на хлѣбныхъ цѣнахъ двѣ большевистскія продовольственныя кампаніи. Во вторую часть послѣдней зимы, въ 1921 году цѣна за фунтъ хлѣба въ Петроградѣ перевалила 1.000 рублей, стала двѣ, потомъ три, четыре тысячи и продолжаетъ непрерывно увеличиваться. Несомнѣнно на ростѣ хлѣбныхъ цѣнъ въ значительной мѣрѣ сказывается непомѣрный выпускъ совѣтскимъ правительствомъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Но этотъ фактъ отнюдь не исключаетъ вліянія на ростъ цѣнъ большевистской продовольственной политики. Сборъ натуральной повинности въ послѣдніе два года совѣтскаго правленія, какъ видно изъ предидущаго, достигъ такихъ размѣровъ, которые должны были сильно отражаться на вольномъ рынкѣ. Насильственное изыятіе хлѣба отъ сельскаго населенія уменьшало частный подвозъ хлѣба въ мѣста потребленія. Существенное вліяніе продовольственной политики подтверждается и опытомъ послѣдней весны. Когда была объявлена свободная торговля продуктами продовольствія, цѣны на хлѣбъ упали сразу на 30%. Это произошло несмотря на то, что такъ называемая свободная торговля была ограничена цѣлымъ рядомъ стѣсненій. Увеличеніе этихъ стѣсненій въ видѣ ограниченій права проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, отразилось новымъ ростомъ цѣнъ на хлѣбъ.

Быстрый ростъ цѣнъ и дороговизна хлѣба по отношенію къ заработку, дѣлали невозможной для большинства городскихъ жителей пріобрѣтеніе хлѣба на спекулятивномъ рынкѣ. Питаясь голодными пайками и только изрѣдка и въ ограниченномъ количествѣ прикупая хлѣбъ изъ подъ полы, жители русскихъ городовъ изъ года въ годъ терпѣли всѣ муки голода. Случаи голодной смерти были обычны.

Этотъ страшный голодъ начался еще тогда, когда Россія изобиловала хлѣбными запасами. Хорошіе урожаи 1915 и 1916 годовъ не были реализованы въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ, влѣдствіе закрытія изъ за войны заграничнаго рынка. Большевицкая власть, своей продовольственной политикой закрыла доступъ этимъ запасамъ на внутренній рынокъ. Это обусловило городской голодъ. За три съ половиной года большевительскаго правленія прежніе запасы, частью были сѣдены, частью погибли. Въ то же время большевики сдѣлали все, что только могли, для того чтобы разрушить сельскохозяйственную жизнь страны и тѣмъ самымъ довести до минимума ея хлѣбныя богатства. Результатомъ этаго явился голодъ, не только въ городахъ, но и въ деревнѣ.

2) Сельскохозяйственная разруха при большевикахъ.

Въ первое время существованія большевизма казалось, что его разрушительная работа направлена главнымъ образомъ на города, на центры крупной промышленности и торговли. Можно было думать, что коммунистическіе методы хозяйства сравнительно мало затрогиваютъ сельское населеніе и не наносятъ особеннаго ущерба сельскому хозяйству, находящемуся на низкой ступени развитія. Несомнѣнно коммунизмъ медленно проникалъ въ деревенскую жизнь, чѣмъ въ городскую. Но изъ года въ годъ это проникновеніе становилось все значительнѣе, а черезъ три года большевительскаго владычества, въ 1920 году опредѣленно проявились послѣдствія этаго, въ видѣ рѣзкаго ухудшенія сельскохозяйственной производительности. Въ настоящее время въ полной мѣрѣ обнаруживается совершенный развалъ сельскаго хозяйства.

Сельскохозяйственная дѣятельность вообще трудно поддается учету, а при большевикахъ сельскохозяйственная статистика пришла въ полное разстройство. Общія сводки статистическихъ данныхъ почти отсутствуютъ и по преимуществу имѣютъ только предположительный характеръ. Цѣлый рядъ губерній перемержеванъ, такъ что многія погубернскія данныя не могутъ быть сопоставлены съ цифрами прежнихъ лѣтъ. Поэтому приступая къ описанію положенія сельскаго хозяйства въ Россіи въ настоящее время приходится пользоваться статистическими данными не столько для подсчета хозяйственныхъ итоговъ, сколько для иллюстраціи отдѣльныхъ мѣстныхъ явленій хозяйственной жизни. Тѣмъ не менѣе многія цифры оказываются весьма краснорѣчивыми для подтвержденія опредѣленнаго общаго вывода.

Водворившійся въ Россіи коммунистическій строй, принесъ съ собой два явленія особенно затронувшія инте-

ресы сельскаго населенія. Этими явленіями были: 1) разстройство и прекращеніе общаго товарообмѣна и 2) насильственное изъятіе отъ населенія массы сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ видѣ натуральной повинности. Конечно, наряду съ ними существовало много другихъ факторовъ, вліявшихъ на положеніе дѣлъ, но первое мѣсто по дѣйственности должно быть отведено именно двумъ вышеуказаннымъ.

Большевики разрушили промышленность и уничтожили торговлю. Съ этими фактами было связано исчезновеніе какихъ бы то ни было товаровъ на деревенскомъ рынкѣ. Земледѣльческое населеніе быстро это почувствовало и должно было учесть послѣдствія такого явленія. Очень скоро въ деревнѣ оказалось громадное количество бумажныхъ денегъ, на которые нечего было покупать и которые быстро падали въ цѣнѣ. Избытокъ денегъ избавилъ земледѣльцевъ отъ необходимости реализовать продукты своего производства. Такимъ образомъ въ первый періодъ большевизма образовались залежи хлѣба, наличность которыхъ создавала картину продовольственного благополучія. Но та же невозможность продавать излишки хлѣба побудила земледѣльцевъ къ уменьшенію посѣвной площади. Этому способствовалъ еще цѣлый рядъ, созданныхъ большевиками, обстоятельствъ. Хозяиничать становилось все труднѣе и труднѣе. Инвентарь изнашивался, а замѣнить его новымъ было нельзя, вслѣдствіе разрухи промышленности и отсутствія ввоза изъ заграницы. Количество рабочаго и пользовательнаго скота сокращалось подъ вліяніемъ большевистскихъ декретовъ объ отобраніи скота у зажиточныхъ и распределеніи его между бѣдной. вмѣстѣ съ тѣмъ сокращалась запашка и общіе размѣры хозяйства. Этотъ процессъ былъ чрезвычайно ускоренъ проведеніемъ въ жизнь натуральной повинности. По мѣрѣ роста заданій продовольственныхъ заготовокъ, большевистскія власти прибѣгали къ все большимъ и большимъ репрессіямъ и все меньше и меньше принимали въ расчетъ интересы каждаго отдѣльнаго хозяйства. Все, кромѣ прожиточнаго минимума, населеніе должно было представлять совѣтской власти. А самый прожиточный минимумъ опредѣлялся не въ зависимости отъ дѣйствительной потребности, но исключительно по расчетамъ обезпечивающимъ выполненіе погубернскихъ и поуѣздныхъ разверстокъ. При такой системѣ, въ мѣстностяхъ съ обычнымъ недостаткомъ зерноваго хлѣба, нерѣдко прожиточный минимумъ опредѣлялся въ 10—15 фунтовъ въ мѣсяцъ на ѣдока, то-есть 3—4 пуда въ годъ. Все, что совѣтскія учрежденія находили у земледѣльца сверхъ такого количества, они отбирали въ общій продовольственный фондъ бесплатно. Населеніе, конечно, всѣми мѣрами старалось избѣжать выполненія натуральной повинности, прятало

хлѣбъ въ землю, открыто возставало противъ совѣтовъ, но при всемъ томъ у населенія создавалось убѣжденіе, что чѣмъ больше хлѣба имѣешь, тѣмъ больше отберуть. Слѣдовательно имѣть хлѣбные излишки невыгодно и даже опасно. Самъ собой напрашивался простой выходъ изъ затрудненій — сократить запашку до такихъ предѣловъ, которые давали бы количество хлѣба не свыше необходимаго для пропитанія своей семьи. Громадная масса земледѣльцевъ такъ и сдѣлали. Этотъ, крайне опасный для государства процессъ, такъ же какъ и его причины, о которыхъ только что сказано, давно сдѣлались ясными многимъ непредубѣжденнымъ наблюдателямъ русской сельской жизни. Но совѣтская власть и коммунистическая партія игнорировали до послѣдняго времени его очевидное существованіе. Только теперь мы встрѣчаемъ на страницахъ большевистской „Продовольственной Газеты“ такое откровенное признаніе Начальника Центрального Статистическаго управленія, сдѣланное на III Всероссийскомъ Продсовѣщаніи: „мелкіе производители, не получая продуктовъ промышленности взаменъ отчуждаемаго у нихъ въ порядкѣ принужденія хлѣба, не были экономически заинтересованы въ поддержаніи посѣвовъ на прежнемъ уровнѣ и потому свели ихъ до размѣровъ необходимыхъ для полученія продуктовъ лишь для своего личнаго и хозяйственнаго потребленія, и такимъ образомъ сократили почти всю ту часть посѣвной площади, которая обслуживала заграничный и внутренній рынки.“ Такъ большевики пришли къ открытію элементарныхъ и общеизвѣстныхъ экономическихъ истинъ. Но теперь дѣло уже сдѣлано. Сельское хозяйство въ Россіи, стараніями большевиковъ приведено въ полное разстройство, дѣлающее невозможнымъ производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ мѣру потребности населенія.

Насколько можно судить по большевистскимъ газетамъ, статистика совѣтскихъ учреждений не въ состояніи дать общую картину современнаго положенія скотоводства въ Россіи. Возможно впрочемъ, что въ нѣдрахъ Центрального Статистическаго Управленія и есть общія сводки данныхъ о скотоводствѣ, но опубликованіе ихъ откладывается, дабы не поражать лишній разъ умовъ слишкомъ наглядной картиной обнищанія страны.

Для періода 1917—1919 годовъ въ 26 губерніяхъ Европейской Россіи совѣтскія газеты даютъ слѣдующія цифры: уменьшеніе числа лошадей съ 6.600.000 головъ, до 6.100.000 головъ, то есть 7,1⁰/₁₀₀; уменьшеніе числа крупнаго рогатаго скота съ 12.000.000 головъ до 9.800.000, то-есть, на 19⁰/₁₀₀; уменьшеніе числа овецъ съ 21.000.000 головъ до 16.400.000 головъ, то-есть, на 21,8⁰/₁₀₀; уменьшеніе числа свиней съ 4.400.000 головъ до 2.400.000 головъ, то-есть, на 54,5⁰/₁₀₀.

На ряду съ этимъ подсчетомъ, въ общемъ обзорѣннн сельскаго хозяйства за 1920 годъ, Экономическая Жизнь приводитъ процентъ убыли скота за тотъ же періодъ, но только для 13 губерній и притомъ не сопровождая его абсолютными цифрами наличности скота. По этимъ подсчетамъ съ 1917 по 1920 годъ уменьшилось количество: лошадей на 19%, крупнаго рогатаго скота на 5,6%, овецъ на 42%, свиней на 45%.

Надо думать, что оба ряда цифръ гадательны и не вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Въ этомъ насъ убѣждаетъ цѣлый рядъ фактовъ. Обзорѣватель сельскаго хозяйства въ Экономической Жизни, сопоставляя вышеуказанныя цифры убыли скота, съ процентами убыли площадей посѣва, приходитъ къ выводу, что площадь посѣва сократилась въ большей степени. Между тѣмъ въ частичныхъ и общихъ обзорахъ современнаго положенія сельскаго хозяйства, мы постоянно наталкиваемся на указанія, что удобреніе земель за послѣдніе годы чрезвычайно ухудшилось. Объ этомъ говорится въ редакціонной статьѣ Экономической Жизни въ № 152, этотъ фактъ отмѣчается Н. Богдановымъ въ № 49 той же газеты. Подробно останавливается на этомъ вопросѣ въ своей рѣчи на Всероссийскомъ Съѣздѣ по проведенію посѣвной кампаніи 1921 года, профессоръ Прянишниковъ. Всѣ эти лица, а за ними и многіе другіе, свидѣлствуютъ, что удобреніе земли значительно уменьшилось, вслѣдствіе чрезвычайной убыли скота, какъ рабочаго, такъ и пользователнаго. Въ особенности сильно сократилось скотоводство въ послѣднемъ 1920/21 году. Засушливое лѣто дало очень плохой урожай травъ, а вызванный этимъ недостатокъ сѣна не могъ быть восполненъ зерновымъ фуражемъ, такъ какъ въ условіяхъ совѣтской жизни зерновые продукты, въ томъ числѣ и овесъ, почти цѣликомъ шли на продовольствіе населенія. Засуха и неурожай въ Центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ вызвала повальный падежъ и истребленіе скота. Нерѣдко мы наталкиваемся на корреспонденціи въ газетахъ съ указаніемъ отдѣльныхъ деревень, гдѣ подъ вліяніемъ голода и безкормицы, количество скота было сведено до $\frac{1}{3}$ прежняго. Вліяніе безкормицы въ Калужской, Тульской и Рязанской губерніяхъ характеризуется паденіемъ цѣнъ на лошадей осенью 1920 года: въ Сентябрьѣ цѣна лошади была 100.000 до 150.000 рублей, въ Декабрьѣ — 5.000—10.000 рублей. Въ Московской губерніи сокращеніе конскаго состава за зиму 1920/21 года опредѣляется въ 40%, уменьшеніе числа свиней въ 80%, въ Семирѣчьи убыль скота за все время большевизма исчислена въ 70%.

Обращаясь къ причинамъ пагубно вліявшимъ на скотоводство Россіи, первое по значенію мѣсто придется отнести

не безкормицѣ, проявившейся только въ 1920 году, но большевистскимъ мѣропріятіямъ, заставившимъ мелкихъ земледѣльцевъ массами уничтожать свой собственный скоть. Выше говорилось уже о дѣйствиі декретовъ предписывавшихъ отбирать скоть отъ зажиточныхъ земледѣльцевъ и распредѣлять его между бѣднѣйшими. Подъ угрозой такихъ мѣръ, крестьяне массами продавали и рѣзали свой скоть на мясо, естественно уклоняясь отъ насильственного отобранія. Аналогичное вліяніе имѣлъ сборъ натуральной мясной повинности. Этимъ путемъ совѣтскими властями было заготовлено въ 1919 году, 6.000.000 пудовъ мяса. На 1920 годъ заготовка была опредѣлена въ размѣрѣ 24.000.000 пудовъ мяса, изъ которыхъ 16.000.000 пудовъ должно было быть заготовлено въ Европейской Россіи, 3.000.000 пудовъ на Кавказѣ и 5.000.000 пудовъ въ Сибири. Имѣя въ виду, что въ Россіи до революціи было свыше 50.000.000 головъ крупнаго рогатаго скота, свыше 80.000.000 головъ овецъ и около 14.000.000 головъ свиней, размѣры заготовки сами по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ могли быть выполнены за счетъ ежегоднаго прироста. Но способы проведенія мясной заготовки, примѣняемые большевиками превратили эту операцію въ истребленіе скота. Развертка повинности производилась исключительно по арифметическому расчету количества головъ скота на души населенія. Скоть отбирался совершенно внѣ зависимости отъ хозяйственной потребности въ немъ и способности отдѣльныхъ хозяевъ содержать то или иное количество головъ. Такимъ образомъ тѣ хозяйства, которые имѣли возможность прокормить нѣсколько головъ, оставались съ одной коровой, то есть насильственно приравнивались къ наиболѣе захудалымъ. Этимъ приостанавливался всякій приростъ стада. Бѣдныя хозяйства не могли увеличивать количество скота по хозяйственнымъ условіямъ. Зажиточные земледѣльцы, хотя и могли прокормить большее число головъ, боялись увеличивать ихъ количество въ страхъ реквизицій. Наряду съ этимъ, общій принципъ бесплатнаго отобранія скота побуждалъ всѣхъ земледѣльцевъ, во избѣжаніе убытковъ, рѣзать свой скоть, который могъ подвергнуться реквизиціи. Приближеніе каждаго сбора мясной натуральной повинности вызывало усиленный убой скота, состоявшаго на совѣтскомъ учетѣ. Люди близко наблюдавшіе крестьянскую жизнь совѣтской Россіи въ различныхъ раіонахъ, свидѣтельствуютъ, что во многихъ мѣстахъ, наряду съ уменьшеніемъ числа крупнаго рогатаго скота, нѣсколько увеличилось число овецъ и свиней. Такой фактъ прямо противорѣчитъ совѣтской статистикѣ. Но приростъ овецъ и свиней объясняется именно возможностью спрятать и скрыть отъ совѣтскаго учета эти категоріи скота. Между прочимъ, крестьяне свое-

образно пользовались способностью овец и свиней давать два приплода въ годъ. Одинъ изъ нихъ попадалъ на большевистскій учетъ, а другой оставался во многихъ случаяхъ скрытымъ и выращивался тайкомъ отъ совѣтскихъ учреждений.

Какъ бы то ни было, общее уменьшеніе количества скота остается фактомъ несомнѣннымъ. Хотя размѣры его сейчасъ не могутъ быть учтены, послѣдствія его уже сказались на полеводствѣ. Уменьшилось удобреніе полей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и урожайность, сократилась площадь обработки.

Другая сторона сельскохозяйственной жизни — снабженіе мертвымъ инвентаремъ, также очень сильно ухудшилась при большевикахъ. Вслѣдствіе промышленной разрухи, не только прекратился притокъ новаго инвентаря, но сдѣлался невозможнымъ даже сколько нибудь удовлетворительный ремонтъ стараго. Для 1920 года потребность въ новыхъ пахотныхъ орудіяхъ была исчислена совѣтскими учреждениями въ 5.000.000 пудовъ. Совѣтская производственная программа этого же года предусматривала выполнение заданія всего въ размѣрѣ 300.000 пудовъ, то есть 6⁰/₁₀ потребности. Но и такое заданіе оказалось недостижимымъ, такъ какъ матерьяловъ для его выполнения было отпущено 22⁰/₁₀. Въ частности въ Саратовской губерніи по совѣтскимъ подсчетамъ 75⁰/₁₀ сельскохозяйственныхъ орудій требовали капитальнаго ремонта. Для этого нужно было 1.000.000 пудовъ желѣза и желѣзныхъ матерьяловъ. Въ дѣйствительности было получено 7.000 пудовъ желѣзнаго лома на всю губернію. Это уже не проценты, а промилли. Посѣвная площадь Саратовской губерніи въ 1916 году была 2.026.171 десятина. Въ прежнія времена въ Вятской губерніи было очень развито сельскохозяйственное машиностроеніе. Большое число машинъ и орудій вывозилось оттуда въ другія мѣстности Россіи. Въ 1920 году въ этой губерніи всего было сдѣлано 20.000 плуговъ. Принимая во вниманіе, что посѣвная площадь Вятской губерніи въ 1916 году была 2.884.988 десятинъ, можно съ увѣренностью сказать, что выработанные плуги не могли удовлетворить нужды одной этой губерніи. Въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи за зиму 1920/21 года было отремонтировано 810 штукъ разныхъ сельскохозяйственныхъ орудій. Посѣвная площадь этого уѣзда 228.156 десятинъ. Совѣтскія газеты приводятъ нѣкоторые расчеты о снабженіи инвентаремъ Сибири. Ея посѣвная площадь была въ 1916 году 9.888.967 десятинъ. Въ 1920 году на каждыя 1.000 десятинъ приходилось 12 плуговъ, 18 жатокъ, 2 косилки. Въ томъ же году потребности были учтены и удовлетворены въ слѣдующихъ размѣрахъ. Признано **нужнымъ отпустить** 100.000 плуговъ, отпущено 6,6⁰/₁₀

потребности, вмѣсто 20.000 косилокъ отпущено 3,7% потребности, вмѣсто 26.000 жатокъ отпущено 6,3% потребности, разнаго желѣза требовалось 700.000 пудовъ отпущено 19,3% потребности.

Орудіями и машинами ввозимыми изъ заграницы сельское хозяйство снабжалось также въ очень малой степени. Всего за 1920 годъ было ввезено 451.000 пудовъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій, въ то время какъ въ 1912 году ввезено этихъ же товаровъ 11.000.000 пудовъ. Всѣ вышеприведенныя цифры съ ясностью показываютъ, что снабженіе сельскаго хозяйства инвентаремъ, при большевикахъ было ничтожно. Свѣдѣнія съ мѣсто единогласно подтверждаютъ, что все время ощущается острый недостатокъ инвентаря. Приходится пускать въ ходъ, ранѣе заброшенные, плохія орудія, переходить отъ плуга къ сохѣ и косулѣ. Лѣтомъ 1920 году въ Московскихъ Извѣстіяхъ была напечатана такая корреспонденція: „Въ Тамбовской губерніи нѣтъ ни плуговъ, ни боронъ, ни сохъ. Вмѣсто плуговъ обработка производилась сохой, а во многихъ мѣстахъ косулей“. Подобныхъ корреспонденцій въ совѣтскихъ газетахъ сколько угодно.

Результатомъ недостатка орудій и машинъ явилась мелкая и плохая обработка паши. Поэтому урожайность должна была понизиться. По даннымъ Министерства Земледѣлія за пятилѣтіе 1909—1913 годъ средняя урожайность была: рожь — 52,7 пуда съ десятины, озимая пшеница — 61,2 пуда съ десятины, яровая пшеница — 42 пуда; урожайность въ 1915 году: рожь — 60,8 пудовъ, озимая пшеница — 68,1 пуда, яровая пшеница — 42 пуда; въ 1916 году: рожь — 57 пудовъ, озимая пшеница — 72 пуда, яровая пшеница 29 пудовъ. За 1920 годъ совѣтскія учрежденія считаютъ урожайность въ среднемъ по всѣмъ хлѣбамъ не свыше 35 пудовъ съ десятины.

Особенно сильно сказалась плохая обработка почвы въ мѣстахъ пострадавшихъ отъ засухи. Это признаютъ сами большевики. Въ экономической жизни мы читаемъ: „Та же засуха при другихъ экономическихъ условіяхъ привела бы къ гораздо меньшему сокращенію сбора хлѣбовъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ“.

Наряду съ недостаткомъ живого и мертвaго инвентаря, еще одинъ факторъ крайне неблагоприятно вліялъ при большевикахъ на состояніе сельскаго хозяйства. Это недостатокъ посѣвного матерьяла. При коммунистическомъ образѣ правленія, исключалась возможность вольной покупки сѣмянъ населеніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по какимъ либо причинамъ, сѣмянъ собственнаго производства не хватало. Операція снабженія посѣвнымъ матерьяломъ въ

полномъ ея объемѣ являлась монополіей совѣтской власти. Но подобно тому, какъ въ отношеніи продовольствія совѣтская власть, монополизировавъ все снабженіе, не была въ состояніи накормить всѣхъ потребителей, такъ и въ дѣлѣ поставки сѣмянъ, совѣтскія учрежденія, запрещающая частную покупку, сами не могли удовлетворить нужды населенія. Это вносило несомнѣнное разстройство, задерживало и часто дѣлало невозможнымъ засѣвъ значительныхъ площадей.

Потребность сѣменной заготовки для озимыхъ посѣвовъ 1920 года была опредѣлена въ 10.000.000 пудовъ. Особенно нуждающимися губерніями были: Брянская, Калужская, Костромская, Московская, Псковская и Сѣверо-Двинская. Для удовлетворенія этихъ губерній сѣменами требовалось 6.000.000 пудовъ зерна. Насколько дѣйствительное снабженіе не соотвѣтствовало заданіямъ могутъ показать такіе факты. Было назначено къ пропуску черезъ восемь базъ: Кочетовку, Ряжскъ, Орель, Арзамасъ, Вологду, Москву, Рыбинскъ и Нижній Новгородъ 1.500.000 пудовъ зерна. На самомъ дѣлѣ было пропущено черезъ эти базы 252.400 пудовъ. Изъ 1.440.000 пудовъ зерна, назначенныхъ Наркомпродомъ для обѣмененія 20 потребляющихъ губерній, до 24 Августа поступило на мѣста 128.000 пудовъ. Въ Брянскую губернію, куда была назначена доставка 70.000 пудовъ, было привезено 18.000 пудовъ, то есть 25,7%. Въ Астраханскую было назначено 30.000 пудовъ, а доставлено 14.000 пудовъ, то есть 46,6%. Въ Калужскую было назначено 145.000 пудовъ, доставлено 12.000 пудовъ, то есть 8,2%. Среди губерній обычно имѣвшихъ избытокъ хлѣба въ 1920 году тоже обнаружился недостатокъ въ сѣменахъ. Было заявлено требованіе на привозныя сѣмена губерніями: Вятской въ размѣрѣ 250.000 пудовъ, Курской — 900.000 пудовъ, Рязанской — 558.825 пудовъ, Царицынской — 472.170 пудовъ. Наркомпродомъ было вовсе отказано во ввозѣ сѣмянъ въ Вятскую, Курскую и Царицынскую губерніи. Къ ввозу въ Рязанскую было предположено 100.000 пудовъ, то есть 17% заявленной потребности.

Явная невозможность восполнить мѣстные недостатки въ сѣменахъ средствами Наркомпрода заставила Ленина и Брюханова разослать всюду телеграммы объ использованіи урожая 1920 года прежде всего для озимыхъ посѣвовъ. Но такое распоряженіе, конечно не увеличило количество сѣмянъ на мѣстахъ и не могло поэтому содѣйствовать болѣе успѣшному засѣву полей. Такъ обстояло дѣло съ сѣменами осенью 1920 года.

Къ весенней посѣвной кампаніи 1921 года совѣтскія учрежденія начали готовиться задолго до ея начала. Съ осени былъ сдѣланъ подсчетъ сѣменной потребности и

оказалось, что всего нужно 199.500.000 пудовъ яровыхъ сѣмянъ. Планъ снабженія сѣменами черезъ Наркомпродъ былъ намѣченъ въ размѣрѣ 23.500.000 пудовъ сѣмянъ, то есть въ количествѣ 11,5% общей потребности. Изъ этого количества 10.364.000 пудовъ подлежали между губернскимъ перевозкамъ. По сравненію съ потребностью ввоза, во многихъ губерніяхъ планъ снабженія былъ составленъ въ очень суженомъ масштабѣ. Въ Орловской губерніи требовалось 5.840.000 пудовъ овса, назначено — 410.000 пудовъ, то есть 7%, требовалось 7.870.000 пудовъ картофеля, назначено 400.000 пудовъ, то есть 5%, требовалось гречи 450.000 пудовъ, назначено 6,7%.

Всѣ приведенныя цифры показываютъ, что совѣтскія учрежденія не могли хотя бы приблизительно удовлетворить своимъ распоряженіемъ сѣменные потребности озимого посѣва 1920 года и ярового посѣва 1921 года. Цифры плановъ сѣменныхъ операцій уже далеки отъ дѣйствительной нужды, а выполнялись эти планы всегда только въ незначительной части. Тѣмъ не менѣе большевики до самой весны 1921 года продолжали упорно проводить въ жизнь свою систему монополій по отношенію къ зерновымъ продуктамъ. Поэтому, не получая сѣмянъ отъ совѣтской власти, населеніе въ то-же время было лишено возможности приобрѣтать сѣмена на вольномъ рынкѣ. Неизбѣжнымъ результатомъ этаго былъ недостатокъ сѣмянъ во многихъ мѣстахъ и вызванный этимъ недосѣвъ полей.

Подводя нѣкоторые итоги только что сказанному, мы должны придти къ опредѣленному выводу, что большевистская политика внесла полную разруху въ сельское хозяйство Россіи. Широко примѣняя натуральную повинность и уничтоживъ товарообмѣнъ, большевики уничтожили стимулы, побуждавшіе хозяевъ развивать или хотя бы поддерживать свое хозяйство въ прежнемъ размѣрѣ. Это были психологическіе факторы разрухи. Большевики содѣйствовали сокращенію скотоводства, сдѣлали невозможнымъ обновленіе сельскохозяйственнаго инвентаря и привели въ разстройство операціи снабженія посѣвнымъ зерномъ. Это были матерьяльные факторы разрухи. Соединенные вмѣстѣ, тѣ и другіе привели къ совершенному упадку сельскаго хозяйства, какъ въ отношеніи качественномъ, такъ и въ отношеніи количественномъ.

3) Сокращеніе площади посѣва и сборы хлѣбовъ.

Наиболѣе ярко сельскохозяйственная разруха выразилась въ сокращеніи площади посѣва и уменьшеніи сборовъ хлѣбовъ. Точные размѣры этихъ процессовъ нельзя уста-

новить, но можно, на основаніи данныхъ совѣтской печати сдѣлать нѣкоторые выводы и сдѣлать грубый подсчетъ результатовъ большевистскихъ разрушеній.

Большевики не отрицаютъ факта сильнаго сокращенія посѣвной площади въ Россіи за послѣдніе годы. Въ совѣтскихъ газетахъ мы встрѣчаемъ цифровыя данныя, характеризующія этотъ фактъ. Публикуются нѣкоторыя поуѣздныя и погубернскія данныя, есть и общія сводки по районамъ и по всей территоріи РСФСР. Ближе къ дѣйствительности свѣдѣнія относящіяся къ болѣе мелкимъ дѣленіямъ территоріи. Общія сводки всегда сопровождаются примѣчаніемъ объ отсутствіи данныхъ изъ многихъ мѣстностей. Эти недостатки восполняются болѣе или менѣе произвольными цифрами, такъ что цифры общей сводки неизбѣжно имѣютъ гадательный характеръ.

Измѣненіе общей площади посѣва за послѣдніе годы въ Россіи разными авторами оцѣнивается различно. Начальникъ Центрального Статистическаго Управленія Поповъ, въ своей работѣ „Производство хлѣбовъ въ РСФСР и федерируемыхъ съ нею республикахъ“, считаетъ, что общая площадь посѣва сократилась съ 1916 года по 1920 годъ на 25%. Болѣе всего, по его мнѣнію сократился посѣвъ кормовыхъ травъ — на 78,9%, затѣмъ техническихъ растений — на 46,4%, картофеля — на 27,7%, кормовыхъ хлѣбовъ — на 27,6% и менѣе всего уменьшился посѣвъ продовольственныхъ хлѣбовъ — на 20,2%, то есть на $\frac{1}{5}$ часть. Обзоръ вѣстника сельскаго хозяйства за 1920 годъ въ Экономической Жизни Хрящевой дѣлаетъ сопоставленіе свѣдѣній 1917 и 1920 годовъ по 13 губерніямъ. По ея расчету за этотъ періодъ времени общая площадь посѣва сократилась на 27%. Болѣе всего сократился посѣвъ техническихъ растений — на 44%, затѣмъ овса и ячменя — на 39% и менѣе всего ржи и пшеницы — на 20%. Редакція Экономической Жизни, составляя общій обзоръ хозяйства Россіи, предпочитаетъ цифры Хрящевой, но считаетъ нужнымъ ихъ тоже исправить, предполагая, что дѣйствительное уменьшеніе площади посѣва еще значительнѣе. По этому послѣднему расчету уменьшеніе площади посѣва съ 1916 по 1920 годъ выражается 37,8%. Такимъ образомъ даже по большевистской статистикѣ, обычно старающейся приукрасить положеніе, посѣвы въ Россіи сократились болѣе чѣмъ на $\frac{1}{3}$.

Если мы обратимся къ подсчетамъ площади посѣвовъ на отдѣльныхъ частяхъ территоріи, то убѣдимся, что сокращеніе посѣва произошло въ разныхъ мѣстахъ въ очень различной степени. По замѣчанію Хрящевой, въ губерніяхъ потребляющихъ въ общемъ площадь посѣвовъ сократилась значительнѣе, но сокращеніе было главнымъ образомъ за

счетъ посѣва техническихъ растений: льна и конопли. Зато посѣвы продовольственныхъ хлѣбовъ въ большей степени уменьшились въ губерніяхъ производившихъ хлѣбъ въ избыткѣ. Трудно сейчасъ провѣрить эти выводы. Вообще цифры цитируемыя Хрящевой не внушаютъ довѣрія. Она считаетъ сокращеніе площади посѣва продовольственныхъ хлѣбовъ въ потребляющихъ губерніяхъ съ 1917 по 1920 годъ въ 12^{0/0}. Наряду съ этимъ мы наталкиваемся на данныя Псковской губерніи, гдѣ посѣвъ озимыхъ былъ въ 1916 году 303.988 десятинъ, а въ 1919 году исчислялся въ 228.939 десятинъ, то есть сокращеніе за эти годы было 25^{0/0}. Къ 1920 году процентъ этотъ несомнѣнно еще увеличился. Но если отъ цифръ мы обратимся къ разсмотрѣнію причинъ сокращенія посѣвовъ, то найдемъ подтвержденіе выводамъ Хрящевой. Въ губерніяхъ сѣверной полосы Россіи, относящихся къ разряду потребляющихъ, хлѣбъ сѣялся только для собственнаго потребленія земледѣльцевъ и почти не выходилъ на рынокъ. Въ то же время, распространенная культура льна, главнаго изъ техническихъ растений, имѣла цѣлью производство для продажи на внѣшнемъ и внутреннемъ рынкахъ. При большевикахъ потребность въ хлѣбѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ не уменьшилась, а увеличилась, такъ какъ сократился его подвозъ съ юга. Поэтому населеніе должно было стремиться къ возможно большому производству хлѣбныхъ продуктовъ, хотя бы и подъ угрозой отобранія части его большевистскими властями. Съ посѣвомъ льна дѣло обстоитъ иначе. Продавать ленъ было запрещено совѣтскими властями и этотъ цѣнный продуктъ сельскаго хозяйства насильственно отбирался отъ населенія для совѣтской промышленности и экспорта. Не получая выгоды отъ обработки льна, земледѣльцы перестали его сѣять. Въ губерніяхъ производившихъ хлѣбъ въ избыткѣ, болѣе или менѣе значительная часть его всегда шла на продажу. При большевикахъ, когда продажа хлѣба была запрещена и каждую минуту грозило бесплатное отобраніе его въ видѣ натуральной повинности, исчезъ всякій смыслъ производства избытковъ хлѣба и земледѣльцы плодородныхъ губерній стали засѣвать площади только-только достаточныя для собственнаго прокормленія. Поэтому на сѣверѣ должны были особенно сократиться посѣвы льна, а на югѣ посѣвы хлѣба.

Если мы возьмемъ опубликованныя въ совѣтской печати погубернскія и поуѣздныя данныя о площади посѣва въ 1920 и 1921 годахъ и сравнимъ ихъ со статистикой 1916 года, мы повсюду наталкиваемся на сокращеніе посѣвной площади не менѣе чѣмъ на 30^{0/0}. Въ Тамбовской губерніи за время большевизма площадь посѣва овса уменьшилась слѣдующимъ образомъ. Въ 1917 году было засѣяно овсомъ

632.000 десятиныхъ, въ 1918 году — 480.000 десятиныхъ, то есть съ убылью въ 24⁰/₀, въ 1919 году — 469.000 десятиныхъ, убыль 28⁰/₀, въ 1920 году — 190.000 десятиныхъ, убыль достигла 70⁰/₀. Мы видимъ скачекъ въ уменьшеніи площади посѣва съ 1919 на 1920 годъ. Это подтверждаетъ высказанное нами предположеніе, что вліяніе большевизма на сельское хозяйство сказалось не такъ быстро, какъ въ другихъ областяхъ народнаго хозяйства. Зато къ 1920 году всѣ разрушительные для сельскаго хозяйства факторы приобрѣли всю свою силу и сельскохозяйственная разруха стала быстро развиваться. Примѣромъ этаго можетъ быть также Николаевскій, теперь Пугачевскій уѣздъ Самарской губерніи, въ которомъ осенью 1920 года изъ намѣченныхъ къ посѣву 111.500 десятиныхъ, было засеяно 55.292, то есть 50⁰/₀. Для характеристики положенія въ 1921 году можно взять сравнительныя цифры нѣсколькихъ губерній. Въ Курской въ 1916 году общая площадь посѣва была 1.425.736 десятиныхъ. Планъ посѣва на 1921 годъ былъ составленъ на 1.120.000 десятиныхъ и выполненъ въ 90⁰/₀. Такимъ образомъ дѣйствительно было засеяно 1.000.800 десятиныхъ, такъ что съ 1916 года площадь посѣва уменьшилась на 30⁰/₀. Въ Воронежской губерніи въ 1916 году площадь посѣва была 1.878.211 десятиныхъ. Планъ посѣва на 1911 годъ былъ составленъ на 1.523.000 десятиныхъ и выполненъ въ 80⁰/₀. Дѣйствительный посѣвъ 1921 года былъ 1.218.000 десятиныхъ, то есть съ уменьшеніемъ на 36⁰/₀. Въ Орловской губерніи въ 1916 году площадь посѣва была 1.253.805 десятиныхъ. Планъ посѣва на 1921 годъ составленъ на 614.000 десятиныхъ и выполненъ въ 70⁰/₀. Дѣйствительный посѣвъ 1921 года 429.800 десятиныхъ, съ уменьшеніемъ на 66⁰/₀. Въ Тульской губерніи площадь посѣва 1916 года была 1.055.587 десятиныхъ. Планъ 1921 года предусматривалъ посѣвъ 471.000 десятиныхъ и выполненъ въ 70⁰/₀. Площадь посѣва 1921 года 329.700 десятиныхъ, съ уменьшеніемъ на 69⁰/₀ противъ 1916 года. По Уфимской губерніи планъ посѣва 1921 года былъ составленъ въ размѣръ 59⁰/₀ посѣвной площади 1916 года. О его выполненіи мы свѣдѣній не имѣемъ.

Сравнивъ цифры погубернскія съ принятыми большевистскими статистиками общими цифрами уменьшенія площади посѣва, можно убѣдиться, что официально установленный процентъ уменьшенія посѣвной площади — 38⁰/₀, ни въ коемъ случаѣ не является преувеличеннымъ. Съ большей вѣроятностью можно предполагать, что дѣйствительное уменьшеніе площади посѣва еще значительнѣе.

Сокращеніе площади посѣва, совмѣстно съ паденіемъ урожайности влечетъ за собой уменьшеніе общаго сбора хлѣбовъ въ Россіи. Глава большевистской статистики считаетъ общій сборъ хлѣбовъ 1920 года въ 1.970.000.000

пудовъ. По отношенію къ сбору хлѣбовъ 1916 года — 3.521.802.000 пудовъ, сборъ 1920 года долженъ выразиться 56%. Убыль хлѣба равняется 44%. Базируясь на данныхъ 1916 года и свѣдѣніяхъ большевистской статистики, попробуемъ провѣрить подсчетъ урожая 1920 года, предлагаемый большевиками. Площадь посѣва 1916 года исчислялась Продовольственнымъ Совѣщаніемъ въ 73.460.917 десятинъ. Въ эту цифру не были включены мѣстности захваченныя фронтомъ и Финляндія, но входили Бессарабія, Эстонія, часть Латвіи и часть Дальняго Востока, нынѣ не подвластные большевикамъ. Если взять территорію, входящую теперь въ составъ РСФСР, то на ней въ 1916 году было около 73.000.000 десятинъ посѣва. Скидывая согласно большевистскому счету 38% на сокращеніе площади посѣва, мы получимъ посѣвъ 1920 года въ 45.260.000 десятинъ. Примемъ большевистскую цифру средней урожайности съ десятины — 35 пудовъ. Если имѣть въ виду полный неурожай въ 1920 году въ Центральныхъ губерніяхъ слѣдуетъ признать эту цифру во всякомъ случаѣ не преуменьшенной. При такомъ расчетѣ, общій урожай 1920 года выразится въ 1.584.100.000 пудовъ хлѣба, что составитъ 45%, то есть меньше половины общаго сбора хлѣбовъ 1916 года. Этотъ результатъ является наиболѣе яркимъ показателемъ разрушительнаго дѣйствія большевиковъ на хозяйственную жизнь Россіи. Если послѣ трехъ лѣтъ большевизма осталось 150.000.000 жителей, то въ прошломъ продовольственномъ періодѣ приходилось на кругъ по 10 пудовъ на человѣка въ годъ хлѣба. Такъ была установлена большевиками всеобщая голодная норма.

1921 годъ не могъ улучшиться въ отношеніи сбора хлѣбовъ. Всѣ общія причины, вызывавшія въ предидущіе годы большевизма, продолжали дѣйствовать. Кромѣ того, много губерній поражены сильнымъ неурожаемъ вслѣдствіе засухи.

Послѣдніе два года 1920 и 1921, голодъ созданный большевиками, распространился изъ города въ деревню. Городское населеніе по прежнему обрѣчено на голодъ, и по всѣмъ признакамъ въ еще большей степени чѣмъ раньше. Сельскій голодъ, въ прошломъ году захватившій сравнительно меньшій районъ, нынѣ уже во время сбора хлѣбовъ остро проявилось на обширной территоріи неурожайныхъ губерній. Къ веснѣ его распространеніе слѣдается еще большимъ.

4) Неурожай 1920 года.

Несомнѣнный фактъ сильнаго неурожая вслѣдствіе засушливаго лѣта во многихъ мѣстностяхъ Россіи въ 1920 году получилъ очень слабое отраженіе на страницахъ больше-

вистской печати. Осенью и въ началѣ зимы 1920 года совѣтская власть чувствовала себя вполне увѣренно и крѣпко. Бѣдствія мѣстнаго значенія не грозили ей потрясеніями и всякія свѣдѣнія о такихъ бѣдствіяхъ старательно маскировались и запрещались къ опубликованію. Поэтому мы не можемъ произвести болѣе или менѣе точнаго учета неурожая 1920 года и выяснить полностью его послѣдствія. Но собирая во-едино отрывочныя замѣтки большевистскихъ газетъ, приходится сдѣлать выводъ, что неурожаемъ захватилъ обширную территорію и сопровождался голодомъ среди нѣсколькихъ милліоновъ городскихъ и сельскихъ жителей.

Для выясненія размѣровъ неурожая была назначена особая комиссія ВЦИК. По производствѣ обслѣдованія Комиссія эта признала неурожайными слѣдующія мѣстности: губерніи Калужскую, Орловскую, Рязанскую, Царицынскую и Череповецкую: 6 уѣздовъ Тульской губерніи, два уѣзда Саратовской губерніи, 1 уѣздъ Костромской губерніи, 1 уѣздъ Владимирской губерніи и 1 уѣздъ Астраханской губерніи. Такая территорія имѣла въ 1916 году около 10.000.000 жителей, съ 4.700.000 десятинами посѣва и сборомъ хлѣбовъ въ 264.429.000 пудовъ. Особая комиссія констатировала не только неурожай, но и голодъ во всѣхъ вышеназванныхъ мѣстахъ. Характеризуя положеніе неурожайныхъ мѣстностей, предсѣдатель ВЦИК Калининъ заявилъ, что „безъ поддержки извнѣ населенію этихъ губерній прожить невозможно“. Въ январѣ 1921 года совѣтскими властями было признано необходимымъ оказать помощь голодающимъ. Для этого въ южный районъ неурожая, губерніи: Калужскую, Орловскую, Тульскую и Рязанскую былъ командированъ членъ ВЦИК Лобачевъ, облеченный особыми полномочіями. Въ командировкѣ данной Лобачеву, мы находимъ указаніе, что признанныя неурожайными ранѣе мѣстности не исчерпываютъ всей территоріи неурожая. Лобачевъ долженъ былъ посѣтить также Воронежскую губернію для организациі помощи голодающимъ. Слѣдовательно приходится думать, что неурожай распространялся и на эту губернію. Кромѣ этого мы находимъ цѣлый рядъ указаній на плохой урожай въ другихъ мѣстностяхъ. Определенно говорится о неурожаѣ и недостаткѣ продовольствія въ Троицкомъ уѣздѣ, прежде входившемъ въ составъ Оренбургской, теперь включенномъ въ Челябинскую губернію. Свѣдѣнія о плохомъ урожаѣ были также получены изъ Уфимской и Самарской губерній. Требованіе ввоза озимыхъ съмянъ обнаруживаетъ, что и въ этой губерніи не все обстояло благополучно. Подтверженіе всѣмъ этимъ отрывочнымъ даннымъ, мы находимъ въ опубликованномъ Экономической Жизнью, предварительномъ обзорѣ урожая на 15-е

августа 1920 года. По даннымъ обзора неурожай въ большей или меньшей степени былъ въ 11 губерніяхъ и 1 области въ Европейской Россіи, въ Тобольской губерніи и Семипалатинской области въ Азіатской Россіи. Въ это число входятъ также губерніи позднѣе официально признанныя неурожайными. Пользуясь терминологіей принятой въ обзорѣ, выражающей свѣдѣнія по пятибальной системѣ, мы получаемъ слѣдующую картину неурожая. Въ Воронежской губерніи плохой урожай ржи и пшеницы, ниже средняго урожай овса и ячменя. Въ Калужской — плохой урожай всѣхъ озимыхъ хлѣбовъ и овса, ниже средняго яровой пшеницы и ячменя. Въ Курской — плохой урожай ржи и пшеницы, ниже средняго ячменя. Въ Оренбургской — плохой урожай всѣхъ хлѣбовъ. Въ Орловской — плохой урожай пшеницы и ниже средняго всѣхъ остальныхъ хлѣбовъ. Въ Пензенской губерніи плохой урожай озимыхъ хлѣбовъ и ниже средняго овса. Въ Рязанской — плохой урожай пшеницы, ниже средняго озимыхъ хлѣбовъ и овса. Въ Саратовской — плохой урожай всѣхъ продовольственныхъ хлѣбовъ и ниже средняго овса. Въ Ставропольской — плохой урожай продовольственныхъ хлѣбовъ и ниже средняго овса. Въ Тамбовской — плохой урожай ржи и пшеницы, ниже средняго овса и выше средняго ячменя. Въ Тульской — плохой урожай продовольственныхъ хлѣбовъ, ниже средняго овса. Въ Уральской области — плохой урожай всѣхъ хлѣбовъ. Въ Омской губерніи — плохой урожай всѣхъ хлѣбовъ. Въ Тобольской — плохой урожай озимыхъ хлѣбовъ и ниже средняго яровыхъ. Въ Семипалатинской области плохой урожай всѣхъ хлѣбовъ.

Перечисленныя губерніи составляютъ территорію, населенную 32.000.000 жителей, заключающую въ 1916 году около 15.000.000 десятинъ посѣвовъ, со сборомъ хлѣбовъ болѣе чѣмъ 800.000.000 пудовъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ данныхъ для опредѣленія соотвѣтствующаго сбора 1920 года. Несомнѣнно, на указанной территоріи, пораженной неурожаемъ, сборъ хлѣбовъ съ десятины былъ весьма различенъ въ разныхъ мѣстахъ, а въ соотвѣтствіи съ этимъ разнообразна была и обезпеченность населенія продовольствіемъ. Были мѣстности, гдѣ населенію удавалось прокормить себя, или благодаря нѣскольکو лучшему сбору, или при помощи запасовъ, оставшихся отъ прежнихъ урожаевъ. Наличие такихъ запасовъ значительно ослабила дѣйствіе неурожая. Но наряду съ этимъ намъ достовѣрно извѣстенъ большой районъ, въ которомъ неурожай повлекъ за собой голодъ въ самой острой формѣ. Этотъ районъ образуютъ губерніи выдѣленныя большевистской Особой комиссіей. Въ Калужской губерніи, на примѣръ, по большевистскимъ свѣдѣніямъ, не было селенія имѣвшаго болѣе семи пудовъ хлѣба на

ѣдока. Въ среднемъ по губерніи на ѣдока приходилось $3\frac{1}{2}$ пуда хлѣба. Близость этого голодающаго района къ Москвѣ доставляла нѣкоторое безпокойство большевистскимъ властямъ. Поэтому центральной властью было рѣшено принять мѣры помощи голодающимъ. Но дѣйствія въ этомъ направленіи ограничились самыми ничтожными размѣрами. Въ Калужской губерніи, съ населеніемъ свыше 1.500.000 человекъ, были открыты общественныя столовыя на 14.000 человекъ. Въ Тульской, съ населеніемъ около 2.000.000 человекъ, такія же столовыя были открыты на 35.000 человекъ. Въ Рязанской губерніи, съ населеніемъ болѣе 2.500.000 человекъ, столовыя были открыты на 30.000 человекъ. Такія мѣропріятія, конечно, не могли сказаться замѣтнымъ образомъ на положеніи голодающаго населенія. Полное отсутствіе хлѣба и угроза голодной смерти побудили населеніе этихъ губерній бросать свою осѣдность и массами уходить по направленію къ урожайнымъ мѣстамъ, по преимуществу на югъ и на востокъ. Въ этихъ передвиженіяхъ таборами, на телѣгахъ съ семьями и имуществомъ, большая часть переселенцевъ должна была погибнуть. Остальные находили временный пріютъ въ мѣстностяхъ, отстоящихъ отъ ихъ обычной осѣдности на нѣсколько сотъ верстъ. Мы не имѣемъ официальныхъ данныхъ о количествѣ передвигающагося такимъ образомъ населенія. По частнымъ свѣдѣніямъ изъ неурожайныхъ мѣстъ центральной Россіи ушло около двухъ третей населенія.

Неурожай 1920 года имѣлъ цѣлый рядъ послѣдствій не только въ видѣ непосредственныхъ бѣдствій голода. Экономическое значеніе его чрезвычайно велико и его результаты особенно болѣзненно сказались въ слѣдующемъ 1921 году.

Неурожай повлекъ за собой обезлюденіе ряда губерній, изъ которыхъ почти всѣ отличались хлѣбородностью и были ранѣ поставщикомъ избытковъ хлѣба для внутренняго рынка. Нѣкоторая часть переселенцевъ, по преимуществу тѣ, которымъ удалось произвести, хотя бы частичный за сѣвъ своей земли, возвратились на прежнее мѣсто жительства. Но, какъ оставшіеся на своихъ родныхъ мѣстахъ, такъ и вернувшіеся туда жители, были разорены и приведены въ положеніе хозяйственной безпомощности. Тѣ, кто оставался, были вынуждены по причинѣ безкормицы продавать за безцѣнокъ свой рабочій и пользовательный скотъ. Вернувшіеся изъ поисковъ за хлѣбомъ, были разорены дальнимъ передвиженіемъ еще больше. Большая часть ихъ скота и имущества погибла или растерялась въ пути или пошла на обмѣнъ за хлѣбъ. Такимъ образомъ населеніе, голодное въ 1920 году, безъ посторонней помощи не могло какъ слѣдуетъ продолжать свое хозяйство. Со сто-

роны совѣтскихъ властей помощь выразилась только въ доставкѣ незначительнаго количества сѣмянъ. По всему этому губерніи, пораженныя неурожаемъ 1920 года, остались раззоренными и на 1921 годъ. Невозможно рассчитывать на какія-либо избытки хлѣба въ этомъ районѣ и даже едва ли можно считать этотъ районъ обезпеченнымъ собственнымъ хлѣбомъ въ нынѣшнемъ году.

Неурожай 1920 года сильно понизилъ общій хлѣбный запасъ Россіи. До 1920 года населеніе губерній производившихъ хлѣбъ въ избыткѣ, кое-гдѣ сохраняло прежніе запасы. Главнымъ образомъ такое явленіе наблюдалось въ Восточной Россіи, въ Сибири и въ Предкавказьи. Неурожай 1920 года вызвалъ быструю и полную ликвидацію этихъ запасовъ. Этому факту въ значительной мѣрѣ содѣйствовала совѣтская власть. Лишенная возможности получать хлѣбъ изъ близкихъ къ Москвѣ центральныхъ губерній и будучи не въ силахъ перевезти хлѣбъ изъ Сибири, большевистская продовольственная организація обратила всю свою энергію на Поволжье и прилегающія къ нему восточныя губерніи. Несмотря на то, что урожай въ этомъ районѣ былъ плохой, совѣтскія власти, именно отсюда черпали хлѣбъ, недобытый въ центральныхъ губерніяхъ. Нѣсколько разъ осенью 1920 года и зимой 1921 года отдавались строгія распоряженія экстренно выслать хлѣбъ изъ губерній Поволжья для продовольствія столицъ. Такіе наряды давались не въ зачетъ, а сверхъ общей разверстки натуральной повинности. Такъ въ концѣ сентября Ленинымъ и Брюхановымъ была разослана телеграмма о срочной, не позднѣе 1 октября высылкѣ для снабженія Москвы и Петербурга по два поѣзда съ хлѣбомъ изъ Баронска, Вятки, Оренбурга, Покровска, Самары, Саратова, Стерлитамака и Уфы. Каждый поѣздъ долженъ былъ привезти 35.000 пудовъ хлѣба, такъ что общее заданіе было на 560.000 пудовъ. Въ періодъ съ 18 по 28 октября вновь по приказанію тѣхъ же лицъ должно было быть отправлено въ Москву: изъ Вятской губерніи — 2 маршрутныхъ поѣзда хлѣба, изъ Оренбурга — 2 поѣзда, изъ Пензенской губерніи — 2 поѣзда, изъ Покровской — 7 поѣздовъ, изъ Самарской — 3 поѣзда, изъ Саратовской — 3 поѣзда, изъ Симбирской — 2 поѣзда, изъ Тамбовской — 3 поѣзда, изъ Уфимской — 2 поѣзда, изъ Башкирской республики — 2 поѣзда, изъ Нѣмецкой коммуны — 5 поѣздовъ съ хлѣбомъ. Всего на этотъ разъ должно было быть вывезено 1.155.000 пудовъ хлѣба. Въ концѣ февраля 1921 года Ленинымъ былъ данъ приказъ срочно выслать въ теченіе пяти дней въ столицы изъ Самарской губерніи 10 маршрутовъ хлѣба, изъ Саратовской — 5 маршрутовъ хлѣба, изъ Нѣмецкой коммуны — 6 марш-

рутовъ хлѣба. Такъ снова должно было быть вывезено 735.000 пудовъ хлѣба изъ тѣхъ же раіоновъ.

На III конференціи Губраспредовъ, состоявшейся въ октябрѣ 1921 года, былъ объявленъ и общій итогъ вывоза хлѣба изъ губерній пораженныхъ неурожаемъ. Изъ 14 губерній Поволжья за продовольственную кампанію 1920—21 года всего было вывезено 80.000.000 пудовъ хлѣба.

Въ результатъ, на ряду съ разрушеніемъ сельскаго хозяйства и сокращеніемъ годового производства хлѣба болѣе чѣмъ въ три раза, къ 1921 году были исчерпаны всѣ старые запасы хлѣба. Когда, лѣтомъ 1921 года, наступила засуха, у населенія не оставалось никакого продовольствія, а общій хлѣбный балансъ страны настолько уменьшился, что не было никакой надежды восполнить нужду неурожайныхъ губерній хлѣбомъ изъ другихъ мѣстностей. Голодъ былъ подготовленъ вполне и сдѣлался роковой неизбѣжностью.

II. Неурожай и голодъ 1921 года.

1) Отношеніе большевиковъ къ неурожаю и голоду.

За неурожайнымъ 1920 годомъ послѣдовалъ засушливый 1921 годъ. Вышедшія благополучно изъ-подъ снѣга озими, въ маѣ начали страдать отъ засухи въ цѣломъ рядѣ губерній. Въ тѣхъ же мѣстахъ всходы яровыхъ хлѣбовъ или совсѣмъ не появлялись или развивались крайне плохо за недостаткомъ влаги. Къ серединѣ іюня гибель посѣвовъ ясно обнаружилась на всемъ Среднемъ и Нижнемъ Поволжьи. На 18 іюня состояніе хлѣбовъ, по пятибальной системѣ, во многихъ мѣстахъ выражалось единицей или единицей съ дробью. Къ началу іюля неурожай выяснился въ полной мѣрѣ. По всѣмъ даннымъ неурожай долженъ былъ вызвать голодъ въ самой сильной степени. Въ большевистской печати стали появляться свѣдѣнія съ мѣстъ о грозящей бѣдѣ, стали печататься статьи, призывающіе на борьбу съ голодомъ, статьи мрачно описывавшіе положеніе неурожайныхъ мѣстностей. Центральныя совѣтскія власти тоже забеспокоились и усердно начали анонсировать свои заботы о голодающемъ населеніи.

Если мы сравнимъ большевистскія газеты 1920 года, съ газетами послѣдняго времени, то найдемъ громадную разницу. Выше говорилось, что неурожай 1920 года получилъ очень слабое отраженіе на страницахъ совѣтской печати. О голодѣ сопутствовавшемъ этому неурожаю печаталось еще меньше свѣдѣній. Въ общемъ неурожай и голодъ 1920 года

обрисовывались, какъ мѣстный эпизодъ, отнюдь не вліяющій на теченіе народной жизни въ цѣломъ. Совѣтское правительство, если не передъ лицомъ голодающихъ, то передъ всеѣмъ остальнымъ міромъ, объявляло, что оно вполне въ силахъ справиться со всеѣми бѣдствіями. Иное мы видимъ въ 1921 году. Неурожай и голодъ дѣлаются предметами общаго обсуждения. Непрерывно печатаются довольно откровенныя признанія о размѣрахъ неурожая. Несчастія голодающаго населенія описываются въ совѣтскихъ газетахъ весьма краснорѣчиво. Допускаются публичныя разсужденія о причинахъ голода и средствахъ помощи голодающимъ. Наконецъ о голодѣ оповѣщается весь міръ и совѣтскія власти вступаютъ въ переговоры, съ цѣлью добиться помощи, съ заграничнымъ капитализмомъ.

Можно отмѣтить нѣсколько причинъ вызвавшихъ такую переменъ политики совѣтской власти. Топливный и продовольственный кризисы зимы 1921 года и вызванный ими общій крахъ совѣтскаго хозяйства, раздробили цѣльность коммунистической системы. Подъ вліяніемъ отчасти возстаній, отчасти экономическихъ бѣдъ большевики весной 1921 года вынуждены были оставить прежнее твердое направленіе коммунистической политики и перейти къ политикѣ частичныхъ уступокъ въ сторону буржуазнаго строя. Такой переломъ сопровождался раздорами внутри самой партіи коммунистовъ и является признакомъ и въ то же время факторомъ ослабленія совѣтской власти. Поэтому большевики, отталкивавшіе отъ себя или преодолевашіе все затрудненія, вызванныя неурожаемъ и голодомъ 1920 года, не были въ состояніи сохранить ту же позицію въ 1921 году. Этому способствовали также другія обстоятельства. Неурожай 1921 года захватилъ большія пространства и тяжелѣе переживался населеніемъ. Голодъ и угроза голода въ будущемъ создали панику въ обширнѣйшемъ районѣ, результатомъ чего было массовое передвиженіе населенія изъ голодающихъ мѣстностей въ поискахъ за хлѣбомъ. Размѣры этого стихійнаго движенія испугали большевистскую власть. Отраженіе такого испуга мы видимъ въ совѣтскихъ газетахъ конца Іюня и начала Іюля, когда ежедневно печатались свѣдѣнія о массовыхъ скопленіяхъ голодныхъ переселенцевъ, ставился на очередь срочный вопросъ о мѣрахъ отраженія этой народной волны. Именно въ этотъ періодъ голодъ сталъ достояніемъ гласности. Позднѣе, его стало невозможно и бесполезно скрывать. На отношеніе большевиковъ къ голоду 1921 года существенное вліяніе оказало также общее положеніе продовольственнаго дѣла въ Россіи. При отсутствіи прежнихъ запасовъ и общемъ сокращеніи сбора хлѣбовъ, неурожай долженъ былъ рѣзко отразиться на общемъ хлѣбномъ балансѣ страны въ смыслѣ его ухудшенія. Безнадежность продовольственнаго будущаго

несомнѣнно вносить смущеніе и безпокойство въ ряды большевиковъ. Нѣкоторые, болѣе здравомыслящіе изъ нихъ, какъ напримѣръ, Рыковъ, не стѣсняются высказывать свои пессимистическія мысли по этому поводу. При такомъ положеніи дѣлъ большевикамъ приходится идти на уступки, въ другихъ условіяхъ съ ихъ точки зрѣнія недопустимыя, лишь бы только немного улучшить продовольственное дѣло.

На самомъ дѣлѣ мы видимъ цѣлый рядъ дѣйствій большевиковъ, необычныхъ для нихъ и неблагоприятныхъ для укрѣпленія ихъ власти. Вопреки своему обыкновенію большевики допустили официальное участіе небольшевистскихъ элементовъ въ борьбѣ съ голодомъ и даже отъ лица совѣтской власти зывали къ общественной помощи. Хотя Общественные Комитеты помощи голодающимъ и были поставлены большевиками въ такія условія, при которыхъ у нихъ не было никакой реальной силы, но все же на засѣданіяхъ этихъ Комитетовъ оказалась возможной открытая критика большевистскихъ дѣйствій, доходившая до всеобщаго свѣдѣнія при посредствѣ большевистскихъ газетъ. Официально признанное существованіе Общественныхъ Комитетовъ являлось фактомъ совершенно невыгоднымъ для большевиковъ. Когда прошелъ первый моментъ паники, вызванной голодомъ, большевики отдѣлались отъ комитетовъ, закрывъ ихъ и разогнивъ ихъ членовъ. Наряду съ этимъ мы видимъ цѣлый рядъ обращеній большевистскихъ главарей къ помощи западныхъ капиталистическихъ государствъ. Чичеринъ выпускаетъ радіо оповѣщающее весь міръ о голодѣ. Литвиновъ ведетъ переговоры съ Американской Администраціей Помощи, при которыхъ большевики соглашаются на всѣ поставленные условія, хотя бы они и противорѣчили программѣ и привычкамъ большевиковъ. Правда, самъ Ленинъ предпочитаетъ обращаться къ міровому пролетаріату, но по его же распоряженію другіе представители большевиковъ сносятся съ „международной буржуазіей“. Пока еще не опредѣлились результаты вмѣшательства въ дѣло помощи голодающимъ иностранцевъ. Но если помощь эта будетъ обращена къ населенію, а не на прямую поддержку коммунистической партіи въ лицѣ совѣтской власти, то такое вмѣшательство послужитъ къ распатыванію, а не укрѣпленію большевиковъ. Наряду съ мѣрами политическаго характера, большевики вынуждены и свою дѣловую работу направить на борьбу съ голодомъ. Въ теченіе Іюля мѣсяца они всячески рекламировали свою заботливость о голодающихъ. Создана Чрезвычайная комиссія помощи голодающимъ при ВЦИК, такая же комиссія работаетъ при Госпланѣ, то есть при Комиссіи по выработкѣ общегосударственнаго хозяйственнаго плана, ВЦИК объявилъ объ освобожденіи голодающихъ раіоновъ отъ продналога, всѣмъ совѣтскимъ учрежденіямъ вмѣняется въ обязанность содѣй-

ствовать борьбѣ съ голодомъ, составляются планы организациі общественныхъ работъ для голодающихъ, планы распространѣнія кустарныхъ промысловъ въ голодающихъ районахъ, учитываются размѣры неурожая, отдаются срочныя распоряженія о вѣдочередномъ удовлетвореніи голодающихъ районовъ сѣменами, желѣзнымъ дорогамъ предлагается усилить работу по эвакуациі голодающихъ мѣстностей, учреждается „тройка“ завѣдующая эвакуацией подсчитываются возможности доставки хлѣба голодающимъ изъ другихъ районовъ, наконецъ дѣлаются закупки хлѣба за границей. О всемъ сдѣланномъ совѣтской властью печатаются обширные отчеты и статьи въ газетахъ. Но не смотря на краснорѣчіе этихъ отчетовъ и статей, приходится сдѣлать выводъ, что большевистскія мѣропріятія по борьбѣ съ голодомъ носятъ по преимуществу характеръ рекламный и въ дѣйствительности ограничиваются проектами или дѣйствіями самого маленькаго масштаба. Цифры выражающіе реальную работу ясно показываютъ, что вся большевистская помощь не можетъ оказать замѣтнаго вліянія на положеніе голодающихъ. Другія цифры, почерпнутыя изъ большевистской статистики доказываютъ, что совѣтская власть и въ будущемъ не сможетъ значительно развить работу по борьбѣ съ голодомъ.

2) Районы неурожая и размѣры голода.

Раньше и сильнѣе всего неурожай обнаружился въ Среднемъ и Нижнемъ Поволжьи. Уже въ серединѣ Іюня 1921 года стало совершенно ясно, что этотъ районъ въ сильной степени пострадалъ отъ засухи, такъ что въ немъ неизбежна острая нужда въ привозномъ продовольствіи. Въ концѣ Іюня губерніи Средняго и Нижняго Поволжья и нѣкоторыя прилегающія къ нимъ, официально были признаны и объявлены голодающими. Этотъ районъ является наиболѣе бѣдственнымъ и привлекаетъ къ себѣ наибольшее вниманіе совѣтскихъ властей. Поэтому о его состояніи мы лучше всего освѣдомлены.

Но неурожай не ограничился этимъ райономъ. Изъ болѣе позднихъ — Іюльскихъ свѣдѣній совѣтскихъ газетъ мы узнаемъ, что засуха поразила также еще два района. Въ нихъ тоже обнаруживается сильный неурожай и они также признаны совѣтской властью неурожайными и голодающими. Одинъ изъ этихъ районовъ, лѣво бережная Украина, часть Таврической и Херсонской губерній. Другой районъ, нынѣ Киргизская республика, то есть сѣверная часть Степного края съ прилегающими мѣстностями Оренбургской губерніи и Уральской области. Большевистскія свѣдѣнія объ этихъ районахъ очень лаконичны, но не оставляютъ сомнѣній въ существованіи въ нихъ неурожая и голода.

Главный неурожайный районъ — Поволжье, опредѣляется въ радио Чичерина слѣдующей территоріей: губерніи Астраханская, Царицынская, Саратовская, Самарская, Симбирская, Нѣмецкая коммуна, Татарская республика, Чувашская республика, Бирскій и Белебеевскій уѣзды Уфимской губерніи, Яренскій, Малмыжскій, Уржумскій и Совѣтскій уѣзды Вятской губерніи и область Мари. Начальникъ Центрального Статистическаго Управленія Поповъ, въ своемъ докладѣ Комиссіи по составленію общегосударственнаго плана 15 Іюля, нѣсколько расширяетъ указанную территорію неурожая. По его свѣдѣніямъ въ сильной степени поражены неурожаемъ не четыре, а шесть уѣздовъ Вятской губерніи, почти вся Уфимская губернія, Уральская губернія и четыре уѣзда Пензенской губерніи.

Принимая прежнюю административную и хозяйственную номенклатуру, районъ неурожая охватываетъ слѣдующую область: губерніи Астраханскую, Саратовскую, Самарскую, Уральскую область, Симбирскую губернію, около половины Пензенской, Казанскую, Уфимскую и южную часть Вятской губерніи.

Населеніе этой территоріи было въ 1916 году 20.500.000 жителей. Гуще всего были населены Казанская губернія, часть Симбирской, Ставропольскій уѣздъ Самарской губерніи и сѣверные уѣзды Саратовской губерніи. Городского населенія было относительно больше въ Астраханской губерніи — около 14%, затѣмъ въ Саратовской — 13%. Въ остальныхъ губерніяхъ процентъ городского населенія былъ меньше, опускаясь въ Вятской губерніи до 3%.

Въ почвенномъ отношеніи въ указанномъ районѣ встрѣчается большое разнообразіе. Съ Юга на Сѣверъ постепенно смѣняются: свѣтло-бурые суглинки и супеси Астраханской губерніи на каштановые суглинки, шеколадный, средній и тучный черноземъ Саратовской и Самарской губерній, затѣмъ на подзолистые супеси и песчаный черноземъ Симбирской губерніи, на темно-сѣрые суглинки Казанской и на подзолистые суглинки и супеси губерніи Вятской. Кромѣ того весь районъ прорѣзается аллювіальной почвой долины Волги и ея притоковъ.

Наиболѣе использованы были земли Пензенской и Саратовской губерній. Въ первой изъ нихъ распахивалось 71% удобной для культуры земли, во второй — 66%. Въ Казанской губ. процентъ распаханной земли 52%, въ Симбирской губ. — 51%, въ Самарской губ. — 46%, въ Вятской губ. — 35%, въ Уфимской губ. — 31%, въ Астраханской губ. — 23%. Общая площадь посѣва во всемъ районѣ въ 1916 году была 13.513.000 десятинъ. Изъ полевыхъ культуръ на Югѣ преобладали посѣвы пшеницы, на Сѣверѣ ржи и овса.

Размѣры площади посѣва и распределе́ние
зерновыхъ культуръ.

Губерніи.	Площадь посѣва въ десятинахъ.	Изъ нихъ засѣвалось въ % %:				
		Пшеницей.	Рожью.	Овсомъ.	Просомъ.	Друг. хлѣб.
Астраханская.	653.700	62	30	—	4	4
Самарская.	3.732.214	61	22	7	—	10
Саратовская.	2.026.171	39	31	14	8	8
Уфимская.	1.903.330	14	40	23	5	18
Симбирская.	1.129.065	7	48	24	8	13
Пензенская 4 уѣзда .	410.585	—	48	27	8	17
Казанская.	1.381.685	3	50	32	—	15
Вятская 6 уѣздовъ .	1.736.804	—	47	34	Ячень.	11
Уральская.	539.695	—	—	—	—	—

Средній урожай озимой ржи колебался въ 1916 году между 44 пудами въ Самарской и 71 пудомъ съ десятины въ Казанской губ. Средняя урожайность яровой пшеницы колебалась между 20 въ Астраханской губ. и 53 пудами въ Казанской губ. Средняя урожайность овса колебалась между 31 пудомъ въ Саратовской губ. и 71 пудомъ въ Казанской губ. Средняя урожайность проса колебалась между 44 пудами въ Пензенской губ. и 60 пудами въ Саратовской и Симбирской губ.

Общій сборъ хлѣбовъ во всемъ районѣ въ 1916 году исчислялся въ 494.876.500 пудовъ. Въ среднемъ съ десятины посѣва было собрано 37 пудовъ. На каждыяго жителя приходилось болѣе 24 пудовъ хлѣбовъ.

О состояніи Поволжскаго района въ 1921 году мы имѣемъ нѣкоторыя данныя опубликованныя большевиками. Въ зависимости отъ источника они довольно разнообразны. Чичеринъ въ своемъ радіо заявляетъ, что населеніе голодающихъ мѣстностей равняется 18.000.000 жителей. Поповъ въ упомянутомъ выше докладѣ считаетъ число жителей въ районѣ болѣе обширномъ, чѣмъ у Чичерина 16.000.000 человекъ. Наконецъ представитель того же Статистическаго управленія въ Общественномъ Комитетѣ помощи голодающимъ Пашковскій утверждаетъ, что голодающій районъ опредѣляемый имъ въ тѣхъ же предѣлахъ какъ у Попова, населенъ 13.100.000 жителей, изъ коихъ 1.361.000 человекъ, то есть около 10%, городскихъ жителей.

Площадь посѣва 1921 года въ одномъ и томъ же районѣ опредѣляется Поповымъ и Пашковскимъ различно. Поповъ считаетъ, что въ голодающемъ районѣ было засѣяно 8.881.000 десятинъ, Пашковскій — 7.550.000 десятинъ.

Общій сборъ хлѣбовъ района въ 1921 году подсчитывается обоими статистиками примѣрно одинаково. Поповъ считаетъ сборъ въ 142.000.000 пудовъ, Пашковскій въ 147.000.000 пудовъ.

Сообразно съ этими данными большевистскіе статистики вычисляють недостатокъ хлѣба въ голодающемъ районѣ и опредѣляютъ размѣры необходимой помощи. Поповъ считаетъ, при душевомъ потребленіи 10—11 пудовъ въ годъ недостатокъ хлѣба въ 36.000.000 пудовъ. По его мнѣнію, часть населенія, земледѣльцы имѣющіе посѣвъ свыше 4 десятинъ, не нуждаются въ помощи. Такихъ въ районѣ онъ насчитываетъ 7.600.000 человекъ. Помощь должна быть оказана населенію или не имѣющему совсѣмъ посѣвовъ, или имѣющему менѣе 4 десятинъ посѣва въ хозяйствѣ. Въ общей сложности такого сельскаго населенія въ районѣ 8 250.000 человекъ. Кромѣ продовольственнаго хлѣба для засѣва полей требуется 68.000.000 пудовъ сѣмянъ. Пашковскій опредѣляетъ потребность въ сѣменахъ въ 66.000.000 пудовъ и продовольственный недостатокъ въ 42.324.000 пудовъ.

По поводу доклада Пашковскаго въ Общественномъ Комитетѣ возникли пренія, во время которыхъ оппоненты: Сѣмашко, Прокоповичъ, профессоръ Дояренко, Чайновъ и другіе доказывали, что цифры докладчика преувеличены, когда онъ говорилъ объ урожайности и сборѣ хлѣбовъ и наоборотъ преуменьшены, когда онъ говорилъ о потребности. Соответственно съ этимъ общая картина голода, имъ нарисованная признавалась слишкомъ оптимистической.

Есть всѣ основанія предполагать, что свѣдѣнія даваемая большевистской статистикой далеко не вполне выражаютъ дѣйствительное положеніе дѣлъ, стараясь насколько можно смягчить ужасы этого положенія. Въ этомъ насъ можетъ убѣдить сопоставленіе только что приведенныхъ цифръ съ характеристикой неурожая по отдѣльнымъ уѣздамъ, опубликованной въ большевистскихъ газетахъ.

Какъ сказано, голодающій районъ Поволжья и прилегающихъ мѣстностей въ 1916 году насчитывалъ 20.500.000 жителей. Едвали можно предполагать большое уменьшеніе населенія этого района въ 1921 году. Конечно революціонный укладъ жизни не способствовалъ увеличенію народонаселенія, а во многихъ мѣстахъ, особенно въ городахъ, за время революціи число жителей сильно уменьшилось вслѣдствіе длительного голоданія и развитія эпидемическихъ болѣзней. Но именно въ рассматриваемомъ районѣ до 1921 года про-

довольственный вопрос обстоялъ сравнительно очень благополучно. Дореволюционные запасы хлѣба въ немъ были значительны и какъ уже говорилось помогли населенію сравнительно легко перенести неурожай 1920 года. Судя по дѣятельности самихъ большевиковъ, слѣдуетъ предположить, что Поволжье въ 1920 году было обезпечено хлѣбомъ лучше другихъ частей Россіи. Вѣдь именно изъ Поволжья совѣтскія власти въ экстренной нуждѣ черпали поддержку для своей продовольственной операціи, давая для этого наряды на хлѣбъ сверхъ общей плановой разверстки. Такимъ образомъ въ нынѣ голодающемъ районѣ, еще въ предидущемъ году были скорѣе избытки, чѣмъ недостатки продовольствія. Тѣмъ самымъ устраняется предположеніе развитія наиболѣе губительныхъ эпидемій, развивающихся на почвѣ голода и массовой гибели людей отъ истощенія, какъ это было напримѣръ въ Петербургѣ.

Наоборотъ, за время революціи наблюдается нѣкоторый приливъ населенія изъ городовъ въ области благополучныя въ продовольственномъ отношеніи. Надо также принять во вниманіе, что переселенцы губерній неурожайныхъ въ 1920 году въ значительной части передвигались на Поволжье. Размѣры этого передвиженія не были учтены, но могли по крайней мѣрѣ на нѣсколько сотъ тысячъ увеличить населеніе губерній неурожайныхъ въ 1921 году. По всѣмъ этимъ соображеніямъ населеніе голодающаго Поволжскаго района не могло сильно уменьшиться къ 1921 году и численность его всего правильнѣе считать по прежнему, то-есть, около 20.000.000 жителей. Цифра, цитированная Пашковскимъ, какъ это утверждали и члены Общественнаго комитета, внѣ всякихъ сомнѣній сильно преуменьшена и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Цифры Центрального Статистическаго Управленія, относящіяся до размѣровъ посѣвной площади, также не внушаютъ довѣрія. Совершенно нельзя вѣрить цифрѣ, приводимой Поповымъ — 8.881.000 десятинъ, что составляетъ 65% площади 1916 года. Пашковскій считаетъ площадь посѣва 7.550.000 десятинъ, то-есть, 55% площади 1916 года. По сравненію съ данными о сокращеніи посѣва на всемъ пространствѣ РСФСР къ 1920 году на 38%, цифра Пашковскаго представляется болѣе вѣроятной, такъ какъ съ 1920 по 1921 годъ посѣвы продолжали сокращаться, а въ Поволжьи сохраняли все свое вліяніе причины, вызывавшія сокращеніе. Но нѣкоторыя погубернскія данныя, опубликованныя въ послѣднее время въ большевистскихъ газетахъ, заставляютъ думать о еще большемъ сокращеніи посѣвной площади, чѣмъ это предполагаетъ Пашковскій. Какъ напечатано въ Московскихъ Извѣстіяхъ 7 августа, въ Самарской губерніи въ 1921 году было засѣяно всего озимыми и яро-

выми хлѣбами 1.646.000 десятинъ. По отношенію къ площади 1916 года, это составляетъ 44%, то-есть, сокращеніе больше чѣмъ на половину.

Мы не знаемъ какими расчетами руководствовались большевистскіе статистики для учета хлѣбовъ въ неурожайныхъ раіонахъ. Если базироваться на ихъ цифрахъ, то средняя урожайность для раіона получится: согласно цифрамъ Попова — 16 пудовъ съ десятины, согласно цифрамъ Пашковскаго — 19 пудовъ съ десятины посѣва. Всѣ имѣющіеся изъ отдѣльныхъ мѣстностей свѣдѣнія опровергаютъ эти цифры, По Самарской губерніи (въ томъ же № Московскихъ Извѣстій) средней сборъ озимыхъ хлѣбовъ былъ 3,2 пуда съ десятины, яровыхъ хлѣбовъ — 10 пудовъ съ десятины. По площади яровой посѣвъ былъ примѣрно въ два раза больше озимого. Средній сборъ всѣхъ хлѣбовъ былъ 7,7 пуда съ десятины. Изъ отдѣльныхъ уѣздовъ той же губерніи имѣются слѣдующія свѣдѣнія. Въ Пугачевскомъ уѣздѣ, ранѣе Николаевскомъ, почти ничего не уродилось. Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ озими погибли, изъ яровыхъ сохранилось 20% со сборомъ отъ 3 до 7 пудовъ. Въ Ставропольскомъ погибли 99% озимыхъ хлѣбовъ. Въ Новоузенскомъ полный неурожай и голодъ.

Въ Казанской губерніи, одной изъ самыхъ неурожайныхъ, сборъ колеблется отъ 1 до 3 пудовъ съ десятины.

Въ Саратовской губерніи въ Балашевскомъ уѣздѣ 75% посѣвовъ погибли, на 25% сборъ 1—3 пуда съ десятины. Въ Вольскомъ сборъ 3—4 пуда. Въ Камышинскомъ уѣздѣ вслѣдствіе „полной гибели урожая“ населеніе уже въ августѣ не имѣло хлѣба, а питалось корой и другими суррогатами.

Въ Симбирской губерніи, Сенгилеевскомъ уѣздѣ погибли и озимые и яровые посѣвы. Въ Сызранскомъ яровые погибли совсѣмъ, четверть площади посѣва ржи принесла 2—3 пуда, половина была съ урожайностью 6—8 пудовъ и четверть посѣвовъ дала около 12 пудовъ съ десятины.

Именно эти поуѣздныя свѣдѣнія, а не общіе подсчеты сбора хлѣбовъ, могутъ намъ объяснить тѣ катастрофическія явленія, которыя сопровождаютъ неурожай 1921 года. При сборѣ хлѣба въ 15—20 пудовъ съ десятины, сельское населеніе имѣетъ возможность объѣменить хотя бы часть своихъ полей и кромѣ того у него остается пропитанія на нѣсколько мѣсяцевъ, болѣе или менѣе, въ зависимости отъ земельной обезпеченности. Въ такихъ случаяхъ голодъ наступаетъ не одновременно со сборомъ хлѣбовъ, а осенью или зимой, принимая къ веснѣ все болѣе и болѣе острые формы. Населеніе, сокращая до минимума свое хлѣбное довольствіе, пополняетъ его всякими суррогатами, голодаетъ, но предпочитаетъ оставаться на своихъ мѣстахъ въ надеждѣ кое-

какъ прожить годъ и дотянуть до слѣдующаго сбора хлѣбовъ. Въ 1921 году мы видимъ совершенно небывалую картину. Еще до сбора хлѣбовъ, какъ только выяснился надвигающійся неурожай, въ серединѣ іюня мѣсяца, среди населенія распространяется голодная паника и начинается стихійное передвиженіе населенія въ поискахъ за хлѣбомъ. Это движеніе быстро растетъ въ теченіе всего іюля, то-есть, въ періодъ жатвы и сбора. Въ Московской Правдѣ мы находимъ слѣдующее описаніе „Пристани Поволжья до Казани забиты массой народа, который никуда не ѣдетъ. Въ Казани уже ясно видно, что это не пассажиры, а первые раскаты народнаго бѣдствія, о которомъ у насъ уже много говорятъ, но никто не принялъ на мѣстѣ срочныхъ и дѣйствительныхъ мѣръ борьбы. На пристани въ Казани, въ грязи и пыли, подъ открытымъ небомъ размѣстились не отдѣльные пассажиры, а цѣлыя деревни съ женами, стариками, тюками и сундуками. Они снялись въ Казань за 60 верстъ всей деревней. Въ деревнѣ что-нибудь купить негдѣ. Все у нихъ съѣдено, распредѣленія въ деревнѣ никакого. Ничего рѣшительно тамъ пока не даютъ. Оставалось либо умирать съ голоду, либо бросить деревню и двинуться всѣмъ въ Казань, гдѣ можно требовать прокорма и отправленія куда угодно въ мѣста, гдѣ есть хоть какой-нибудь хлѣбъ. Въ Самарѣ берегъ Волги заполнили уже не захолустныя татарскія деревушки, а большія села Поволжья, гдѣ съѣдено все подъ метлу. Картина вездѣ одинаковая — всѣ копошатся въ грязи и въ пыли, болѣютъ, требуютъ отправленія въ Сибирь, въ Астрахань, куда угодно, гдѣ есть хлѣбъ, рыба, что-нибудь съѣстное. Никто не говоритъ о работѣ, всѣ говорятъ о ѣдѣ. На Волгѣ сидитъ, нѣкогда богатѣйшее нѣмецкое поселеніе, оно пришло въ движеніе. Если бы это было физически возможно, Поволжье бы опустѣло. Уходъ съ мѣстъ идетъ стихійно и неорганизованно. Находящіеся на пристаняхъ обрѣчены на голодную смерть, такъ какъ на берегу Волги долго жить нельзя“.

Такихъ описаній мы встрѣчаемъ въ совѣтскихъ газетахъ цѣлое множество. Всѣ они подтверждаютъ фактъ массоваго переселенія изъ неурожайныхъ мѣстъ. Возникновеніе такой паники возможно только вслѣдствіе полной гибели посѣвовъ и совершенно ничтожнаго сбора, который не давалъ достаточно зерна для новаго посѣва и для прокормленія хотя бы на періодъ посѣва.

Наряду съ вышеприведенными данными о сборѣ хлѣбовъ, надо отмѣтить фактъ, что на всемъ пространствѣ района нигдѣ урожай не поднимался выше средняго. Имѣя такія свѣдѣнія, приходится предположить по району средній урожай около 10 пудовъ на десятину. Наиболѣе вѣроятнымъ размѣромъ площади посѣва надо признать половину пло-

щади 1916 года, то-есть, около 6.700.000 десятинъ. При такихъ условіяхъ сборъ хлѣба въ районѣ опредѣлится въ 67.000.000 пудовъ хлѣбовъ, 13—14‰ по отношенію къ сбору 1916 года. Считая потребность сѣмянъ по большевистскому расчету въ 66.000.000 пудовъ и голодную норму 10 пудовъ продовольственнаго хлѣба въ годъ на жителя, потребность продовольственнаго хлѣба будетъ 200.000.000 пудовъ, общая же потребность 266.000.000 пудовъ. За скидкой мѣстнаго производства, потребность ввоза въ голодающій Поволжскій районъ опредѣлится въ 200.000.000 пудовъ хлѣба.

По большевистскимъ расчетамъ потребность въ подвозѣ хлѣба въ голодающій районъ опредѣляется въ 36—42 милліона пудовъ продовольственнаго и 66.000.000 пудовъ сѣменнаго хлѣба. Это теоретическое вычисленіе потребности, какъ мы видимъ, сильно преуменьшено противъ дѣйствительной нужды. Но даже по сравненію съ нимъ бросается въ глаза ничтожность практическихъ плановъ, установленныхъ совѣтскими учрежденіями для помощи голодающимъ, а тѣмъ болѣе микроскопической размѣръ дѣйствительно осуществленной помощи. Слѣдующій примѣръ можетъ характеризовать большевистскіе планы въ этомъ отношеніи. Для помощи населенію Нѣмецкой коммуны въ количествѣ 300.000 человекъ, ежемѣсячная потребность исчислена въ 51.000 пудовъ хлѣба, что на человека составляетъ меньше семи фунтовъ въ мѣсяцъ.

Въ дѣйствительности и такіе планы являются недостижимыми. По свѣдѣніямъ опубликованнымъ въ Продовольственной Газетѣ, за весь іюль мѣсяцъ въ голодающій Поволжскій районъ ввезено 20.000 пудовъ хлѣба. Для двадцати милліоннаго населенія такая помощь не можетъ имѣть значенія. Позднѣе, при выработкѣ общаго плана Государственнаго снабженія на 1921—22 годъ было признано необходимымъ оказывать продовольственную помощь 500.000 человекъ въ октябрѣ, 2.500.000 человекъ въ январѣ и 750.000 человекъ въ маѣ. Исходя изъ этихъ цифръ Государственнымъ планомъ снабженія предусматривается помощь голодающимъ всѣхъ районовъ въ размѣрѣ 12.000.000 пудовъ хлѣба. Ничтожность этой цифры ясно вырисовывается при сопоставленіи съ вышеприведенными данными.

Стихійное передвиженіе голодающаго населенія натолкнуло большевиковъ на необходимость заняться сколько-нибудь планомѣрной эвакуаціей голодныхъ районовъ. Для этого стали создаваться новые органы, стали составляться планы и предположенія. Если судить по газетнымъ статьямъ, то эвакуація должна быть главнымъ средствомъ борьбы съ голодомъ. Но цифры, которыя мы встрѣчаемъ въ тѣхъ же газетахъ, убѣждаютъ насъ въ ничтожности и этого большевистскаго предпріятія. Всего изъ Поволжскаго района за

іюль мѣсяць вывезено 50.000 человѣкъ. На августъ составленъ планъ эвакуаціи на 105.000 человѣкъ, причемъ перевозкѣ должны подлежать исключительно потерявшіе хозяйственную связь съ райономъ. Фактическіе размѣры эвакуаціи по свѣдѣніямъ Управленія Эвакуаціи представляются слѣдующими: въ августѣ было эвакуировано — 331.976 человѣкъ, въ сентябрѣ — 117.057 человѣкъ, въ первой половинѣ октября — 36.257 человѣкъ. Осеннее ухудшеніе транспорта вызвало распоряженіе 16 ноября о прекращеніи выдачи новыхъ нарядовъ на эвакуацію голодающихъ. По свѣдѣніямъ на 3 декабря было вывезено изъ голодающихъ районовъ всего 580.000 человѣкъ. Насколько малы эти цифры, можно установить сопоставленіемъ съ учетомъ переселенія въ 1918—1920 годахъ, въ размѣрѣ 600.000 человѣкъ, и предположеніемъ Экономической Жизни, что въ теченіе зимы 1921/22 года сдвинется съ мѣста вслѣдствіе голода 10.000.000 населенія. Въ цитированной выше корреспонденціи Московской Правды мы уже видѣли, что массы населенія покинули свою осѣдлость и ждуть переселенія. Другими совѣтскими газетами отмѣчается фактъ массоваго переселенія въ Сибирь черезъ Пермь и Кунгуръ, причемъ большая часть переселенцевъ движется совершенно внѣ учета совѣтскаго правительства. Переселеніе происходитъ въ Сибирь, на Украину, Сѣверный Кавказъ, несмотря на запрещеніе, изданное совѣтскими властями. Стихійное передвиженіе не поддается регулировкѣ со стороны большевиковъ, отчасти потому, что большевистскіе планы не могутъ охватить всего размѣра движенія, отчасти потому, что большевистскія мѣропріятія въ этомъ направленіи совершенно нецѣлесообразны. Такъ первоначально предполагалось направить переселеніе въ сторону Киргизской республики, но скоро оказалось, что въ Киргизскомъ краѣ полный неурожай. Былъ также созданъ планъ переселенія 40.000 человѣкъ въ Богословскій округъ для использованія на горныхъ работахъ. Между тѣмъ этотъ районъ всегда питался привознымъ хлѣбомъ, а за время большевизма большая часть рабочихъ разбѣжалась оттуда вслѣдствіе голода. Такимъ образомъ планы эвакуаціи оказываются непригодными и ничтожными по размѣрамъ. Волны переселенцевъ идутъ стихійнымъ путемъ, не имѣя опредѣленной цѣли и лишеные насущнаго продовольствія. Значительная часть людей въ этихъ передвиженіяхъ должна погибнуть отъ голода и болѣзней.

Мы можемъ довольно ясно представить себѣ положеніе голодающаго Поволжья и прилегающихъ губерній, хотя бы приблизительно учесть размѣры неурожая и бѣдствія голода въ немъ. О другихъ голодающихъ районахъ имѣются только очень краткія свѣдѣнія.

Второй районъ неурожая охватываетъ область на югѣ Европейской Россіи въ слѣдующихъ предѣлахъ: середину Донской области, Екатеринославскую, Харьковскую, Полтавскую губерніи, часть Херсонской губерніи, часть Таврической губерніи и часть Черниговской губерніи.

Населеніе этого района въ 1916 году было 14.500.000 жителей. Процентъ городского населенія наибольшій въ Херсонской губерніи — 24%, въ Харьковской — 15%, въ Екатеринославской — 12%, въ Полтавской — 10%.

Почвы всего района почти сплошь черноземныя. Использование земель сравнительно большое. Въ Херсонской губерніи распахивалось 68% удобной земли, въ остальныхъ нѣсколько болѣе 60% и только въ Донской области 45%.

Преобладающей полевой культурой является пшеница. Значительны посѣвы ячменя — до 32% въ Екатеринославской губерніи. Ржи сѣется больше въ Полтавской и особенно въ Черниговской губерніи, гдѣ рожь является преобладающей культурой.

Въ 1916 году площадь посѣва была 11.900 десятинъ. Общій сборъ хлѣбовъ въ 1916 году былъ свыше 600.000.000 пудовъ, въ среднемъ 52 пуда съ десятины.

Въ 1921 году особенно плохой урожаемъ былъ въ Сальскомъ и I Донскомъ округахъ Донской области. Въ первомъ изъ нихъ во многихъ мѣстахъ ничего не уродилось, во второмъ погибло 55% озими и 20% яровыхъ хлѣбовъ. Въ Донецкомъ округѣ урожаемъ собирался въ 8—10 пудовъ съ десятины. По пятибалльной системѣ на юго-востокѣ Екатеринославской, юго-западѣ Полтавской и части Таврической губерніи урожаемъ оцѣнивался единицей, рѣдко немного выше. Въ общемъ, насколько можно судить, положеніе этого района лучше чѣмъ Поволжскаго. Засуха не столь сильно повліяла на посѣвы, въ смыслѣ же подвоза хлѣба Приднѣпровскій районъ находится въ благоприятныхъ условіяхъ, находясь по сосѣдству съ урожайной въ этомъ году юго-западной Россіей.

Относительно третьяго неурожайнаго района свѣдѣнія имѣются еще болѣе скудныя. Фактъ неурожая въ немъ былъ установленъ сравнительно поздно, около середины августа. Комиссіей помощи голодающимъ при ВЦИК были признаны неурожайными губерніи: Оренбургская, Букеевская, Актюбинская и Кустанайская. Наличіе голода въ этихъ мѣстахъ также было признано этой Комиссіей.

Населеніе этого района передъ революціей было 2.700.000 человекъ. Площадь посѣва въ 1916 году была 3.292.000 десятинъ. Сборъ хлѣбовъ въ томъ же году былъ 78.869.000 пудовъ. Въ 1921 году сборъ хлѣба въ Киргизской республикѣ былъ подсчитанъ въ количествѣ 5.755.850 пудовъ. По октябрьскимъ свѣдѣніямъ въ Оренбургской губерніи на

ѣдока приходится послѣ сбора урожая 1,6 пуда, въ Актюбинской — 3,2 пуда, въ Кустанайской — 1,1 пуда, въ Букеевской — 0,8 пуда хлѣба.

Таковы факты и цифры обрисовывающіе намъ положеніе неурожайныхъ раіоновъ. Бѣдствія голодающаго населенія неисчислимы.

Но для того, чтобы яснѣе представить себѣ все значеніе неурожая 1921 года, уяснить въ полной мѣрѣ его послѣдствія, необходимо картину голода вставить въ рамки общаго продовольственнаго положенія Россіи. Надо сопоставить результаты неурожая съ общимъ итогомъ сбора хлѣбовъ.

3) Значеніе неурожая и общій хлѣбный балансъ въ 1921 году.

Выше были выяснены размѣры помощи требующейся Поволжскому голодающему раіону. Для минимальнаго обезпеченія населенія продовольствіемъ необходимо подвозъ въ раіонъ Поволжья 200.000.000 пудовъ хлѣба. Такая операція является грандіозной даже въ прежнихъ государственныхъ масштабахъ Россіи. Но раньше, при выполненіи ея, затрудненія могли возникнуть только въ отношеніи планомѣрной доставки хлѣба въ голодающія мѣстности. Запасы хлѣба въ странѣ были бы совершенно достаточны и даже избыточны. Въ періодъ съ 1895 по 1912 годъ общій сборъ хлѣбовъ только однажды, въ 1897 году, спустился немного ниже 3 миллиардовъ пудовъ. Въ послѣдніе годы періода, при хорошемъ урожаѣ, сборъ этотъ приближался къ 5 миллиардамъ.

Вывозъ хлѣба за границу за тотъ же періодъ почти всегда превосходилъ 500.000.000 пудовъ и только разъ, въ 1898 году, былъ менѣе 400.000.000 пудовъ. Такимъ образомъ помощь голодающимъ всегда могла быть оказана въ полной мѣрѣ за счетъ заграничнаго вывоза и не потребовала бы даже его цѣликомъ. Неурожай не могъ имѣть вліянія въ смыслѣ общаго ухудшенія продовольствія населенія. Когда въ 1891 году неурожай охватилъ 18 губерній, дефицитъ сбора хлѣбовъ исчислялся свыше полумилліарда пудовъ. Но въ голодающія мѣстности средствами Правительства и Земствъ было доставлено болѣе 300.000.000 пудовъ хлѣба. Засѣвъ полей былъ обезпеченъ и населеніе спасено отъ голодной смерти.

Въ іюлѣ 1921 года, на III Всероссийскомъ Продовольственномъ Совѣщаніи — Поповъ доказывалъ необходимость увеличенія площади посѣва и интенсификаціи культуры въ цѣляхъ доведенія общаго годового сбора хлѣбовъ до 4,2

милліардовъ пудовъ. Въ томъ же самомъ докладѣ онъ указалъ, что теперь сельскохозяйственная производительность сократилась въ два раза. Предположительный сборъ хлѣбовъ въ 1921 году онъ считалъ 2.222.000.000 пудовъ. Сослуживецъ Попова Пашковскій въ засѣданіи Всероссийскаго Комитета помощи голодающимъ 3 августа заявилъ, что вѣроятный сборъ 1921 года — 2.276.000.000 пудовъ. Изъ этого количества 432.000.000 пудовъ требуется на сѣмена. За исключеніемъ ихъ, — 1.843.000.000 пудовъ хлѣба можетъ быть обращено на продовольственныя нужды. Исходя изъ такой цифры, Пашковскій считалъ возможнымъ экспортъ за границу хлѣба въ размѣрѣ 345.000.000 пудовъ.

Дѣло бы обстояло не такъ плохо, если бы эти выкладки большевистскихъ статистиковъ осуществились. Но позднѣе, самъ Поповъ призналъ ихъ преувеличенными. Въ Экономической Жизни отъ 30 сентября были напечатаны данныя изъ его доклада объ урожаѣ. Въ сентябрѣ Поповъ считалъ сборъ хлѣбовъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ — 461.800.000 пудовъ, въ урожайныхъ мѣстностяхъ — 1.502.400.000 пудовъ, а всего 1.964.200.000 пудовъ хлѣбовъ. За вычетомъ необходимыхъ сѣмянъ по его расчетамъ оставалось для продовольствія 1.540.200.000 пудовъ. Но если мы возьмемъ за основаніе расчета свѣдѣнія 1916 года и, пользуясь вышеприведенными данными о неурожаѣ и состояніи посѣвной площади попробуемъ подсчитать хлѣбный балансъ 1921 года, то получимъ еще менѣе утѣшительные итоги.

Пашковскій опредѣляетъ убыль сбора происшедшую вслѣдствіе сокращенія посѣвовъ въ 1.200.000.000 пудовъ. Дефицитъ причиненный неурожаемъ онъ считаетъ 960.000.000 пудовъ. Можно думать, что эта посѣдняя цифра близка къ дѣйствительности. По сравненію съ 1916 годомъ сборъ въ Поволжьи сократился на 427.800.000 пудовъ. Если принять среднюю урожайность Приднѣпровскаго района въ 20 пудовъ съ десятины, мы получимъ дефицитъ въ 480.000.000 пудовъ. Дефицитъ Киргизскаго края около 70.000.000 пудовъ. Въ суммѣ эти цифры составляютъ 978.000.000 пудовъ.

Уменьшеніе сбора хлѣбовъ вызванное сокращеніемъ площади посѣвовъ должно быть признано большимъ, чѣмъ предположено Пашковскимъ. Площадь посѣвовъ сократилась съ 1916 по 1921 годъ по крайней мѣрѣ на 50%. Такая цифра встрѣчается и въ большевистской прессѣ. Этотъ фактъ, независимо отъ неурожая долженъ былъ вызвать убыль сбора на 1.750.000.000 пудовъ хлѣба.

Приведенныя цифры ясно показываютъ, что вліяніе засухи и неурожая на хлѣбный балансъ не имѣло первенствующаго значенія. Главная причина сокращенія сбора хлѣбовъ — уменьшеніе площади посѣва, вызванное всецѣло большевистской экономической политикой.

По принятому расчету, сборъ хлѣбовъ въ трехъ неурожайныхъ районахъ въ 1921 году можетъ быть опредѣленъ 197.000.000 пудовъ. На остальной территории Россіи сборъ урожайнаго 1916 года былъ 2.347.000.000 пудовъ. При сокращеніи площади посѣва наполовину, сборъ, при хорошемъ урожаѣ, можетъ быть 1.174.000.000 пудовъ. Для этого необходимо, чтобы благоприятныя климатическія условія компенсировали ухудшеніе обработки и удобрения полей. Такимъ образомъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ, общій сборъ хлѣбовъ въ 1921 году можетъ быть — 1.371.000.000 пудовъ. Принимая сѣмянную потребность согласно съ Пашковскимъ въ 432.000.000 пудовъ, придется опредѣлить продовольственный годовой запасъ хлѣба въ 940.000.000 пудовъ.

Такой хлѣбный балансъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ обезпечить продовольствіемъ населеніе Россіи. Осенью 1921 года большевики считали населеніе на подвластной имъ территории въ 130.707.600 человекъ. Слѣдовательно на каждого жителя приходится въ годъ въ среднемъ — 7,2 пуда хлѣба. Это меньше всякой голодной нормы. Если часть населенія будетъ сыта, то другая часть должна неизбежно вымирать отъ голода.

При такомъ положеніи нечего конечно мечтать объ экспортѣ хлѣба. Приведенная выше цифра предположительнаго вывоза осталась чисто бумажной статистической, скорѣе даже арифметической выкладкой. На самомъ дѣлѣ Совѣтская власть не вывозила хлѣбъ, а ввозила его изъ заграницы. Но размѣры этого ввоза безконечно далеки отъ размѣровъ потребности. Въ то время какъ потребность выражается сотнями милліоновъ пудовъ, ввозъ не достигаетъ десятка милліоновъ. До 1 октября по свѣдѣніямъ Комиссаріата Внѣшней Торговли было закуплено и доставлено 3.000.000 пудовъ сѣмянъ и закуплено около 6.000.000 пудовъ муки и зерна для продовольствія. Изъ послѣдняго количества до 1 октября 1921 года было доставлено около 2.500.000 пудовъ. Послѣ указаннаго срока темпъ заграничныхъ продовольственныхъ закупокъ не усилился, но уменьшился.

Наряду съ правительственнымъ ввозомъ продовольствія изъ заграницы должна быть отмѣчена работа Американской Администраціи Помощи, доставляющей продукты продовольствія для русскихъ дѣтей бесплатно. По сообщенію Комиссара Эйдука, состоящаго представителемъ Совѣтской власти при Американской Администраціи Помощи, до 13 ноября указанной Администраціей было привезено въ Россію 829.286 пудовъ продовольственныхъ продуктовъ. На довольствіи Администраціи состояло въ октябрѣ 216.081 ребенокъ, въ ноябрѣ — 965.000 дѣтей. Всѣхъ голодающихъ дѣтей тотъ же Эйдукъ насчитываетъ 6.000.000. Внѣ сомнѣній, американская помощь спасетъ отъ гибели сотни тысячъ

русскихъ дѣтей. Можетъ быть ея развитіе сдѣлаетъ возможнымъ спасеніе миллионѡвъ дѣтей. Но десятки миллионѡвъ взрослыхъ людей остаются безпомощными передъ лицомъ бѣдствія и обрѣчены на голодную смерть.

Быстрое и очень большое сокращеніе русскаго хлѣбнаго баланса оказало существенное вліяніе на продовольственную политику Совѣтской власти. Еще весной 1921 года, то есть до выясненія результатовъ неурожая большевики замѣнили натуральную повинность — натуральнымъ продовольственнымъ налогомъ. Тогда же предположено было установить контингентъ налога въ значительно сокращенномъ размѣрѣ по сравненію съ заданиями натуральной повинности предыдущаго года. Осенью, послѣ нѣсколькихъ пересмотровъ контингентъ этотъ былъ установленъ въ 235.000.000 пудовъ хлѣбовъ, съ тѣмъ чтобы сборъ налога былъ выполненъ къ 15 декабря 1921 года. Итогъ сбора на 5 декабря оказался значительно меньше предположеній, а именно 121.917.000 пудовъ. Значеніе этого факта получило отраженіе въ телеграммѣ Ленина всѣмъ Исполкомамъ отправленной въ началѣ декабря. Въ ней говорится: „Планъ поступленія продналога составленъ въ обрѣзъ и полное выполненіе есть вопросъ жизни республики. Между тѣмъ, налоговая кампанія затянулась и почти повсемѣстно замѣтно невыполненіе налога. Въ цѣломъ рядѣ раіоновъ хлѣбъ поступаетъ очень слабо. Хуже всего то, что падаетъ заготовка хлѣба, который ввиду малаго урожая и малаго запаса продовольствія расходуется на свои нужды, и это можетъ привести къ такому моменту, когда никакія репрессіи не дадутъ хлѣба“.

Уменьшеніе продовольственныхъ поступленій сказалось также на выработанномъ въ октябрѣ 1921 года планѣ Государственнаго снабженія продовольствіемъ. Въ то время какъ по плану на 1920/21 продовольственный годъ предусматривался отпускъ правительственнаго продовольствія на 38.900.000 человекъ (красной арміи, служащимъ совѣтскихъ учреждений, рабочимъ, больнымъ, арестантамъ и пр.), въ 1921/22 году было предположено отпустить продукты отъ правительства всего на 8.900.000 человекъ. Такимъ образомъ въ отношеніи числа довольствующихся размѣры правительственной продовольственной операціи были сокращены болѣе чѣмъ въ четыре раза. Принимая во вниманіе вышеприведенныя цифры сбора продовольственнаго налога, можно думать, что и такая уменьшенная операція не можетъ быть полностью осуществлена. Въ такомъ случаѣ въ голодный кругъ войдутъ еще нѣсколько миллионѡвъ людей состоящихъ на совѣтской службѣ.

Сокращеніе сбора хлѣбовъ въ Россіи, иллюстрированное вышеприведенными цифрами, помимо голода, начавшагося уже лѣтомъ и развивающагося все больше и больше втеченіе

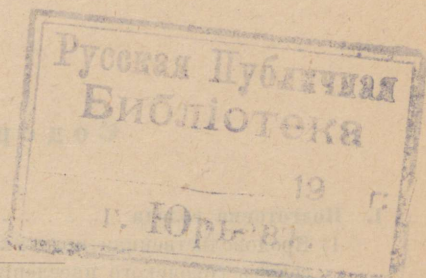
осени и зимы, имѣть еще одно неизбежное послѣдствіе, угрожающее въ будущемъ еще значительно ухудшить судьбы русскаго народа. Острый голодъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ и общій недостатокъ хлѣба въ Россіи несомнѣнно должны повлечь за собой дальнѣйшее уменьшеніе площади посѣвовъ, по причинѣ недостатка посѣвного матерьяла. Поэтому трудно ожидать прекращенія голода съ наступленіемъ слѣдующаго сельскохозяйственнаго сезона. Наоборотъ есть всѣ основанія бояться еще большаго развитія голода въ будущемъ году. Въ предидущемъ изложеніи указывалось, что большевистскіе статистики опредѣляли сѣменную потребность одного только Поволжскаго голодающаго района въ 66—68 милліоновъ пудовъ. Планъ сѣмянной помощи этому голодающему району былъ опредѣленъ Совѣтской властью въ размѣрѣ 10.000.000 пудовъ. Приложивъ всѣ усилія къ выполнению этого плана Совѣтская продовольственная организація отправила до 7 сентября въ голодающія мѣстности 10.336.000 пудовъ зерна. Планъ былъ выполненъ, но могъ удовлетворить только 15% потребности, и то при условіи запозданія части посѣвовъ. Другіе два голодающіе района: Приднѣпровскій и Степной остались безъ всякой сѣмянной помощи. Въ результатѣ, какъ пишетъ „Продовольственная газета“ въ № отъ 10 декабря 1921 года, „общая картина состоянія озимыхъ посѣвовъ можетъ внушать нѣкоторыя опасенія за урожай будущаго года“. Оцѣнка посѣвовъ по пятибалльной системѣ на 20 ноября чаще всего выражаетъ состояніе озимыхъ всходовъ баллами 2 или 2 съ десятыми. Средній баллъ по нечерноземной полосѣ — 2,7. Въ черноземной полосѣ средній баллъ 3,1. Въ губерніяхъ Орловской, Курской, Рязанской и Тульской баллъ ниже 3 и только въ Татарской республикѣ и Царицынской губерніи 4. На всемъ пространствѣ Россіи баллъ — 3 примѣненъ только къ Якутской области, которая вслѣдствіе своей удаленности и слабаго развитія въ ней сельскаго хозяйства не имѣетъ никакого значенія для остальной Россіи.

Насколько можно судить по обзорнью Народнаго Комиссаріата Земледѣлія главной причиной плохихъ всходовъ является поздній посѣвъ.

Подводя итоги всему изложенному, можно съ увѣренностью сказать, что въ настоящее время сельское хозяйство русскаго народа пришло въ полный упадокъ. Главной причиной этого упадка была въ корнѣ неправильная экономическая политика большевиковъ. Подъ вліяніемъ засухи результаты сельско-хозяйственнаго упадка обнаружилились быстрѣе и въ самыхъ рѣзкихъ формахъ широко распространенаго голода и почти повсемѣстнаго недостатка продовольствія. Совѣтская власть не обладаетъ и не можетъ

обладать средствами достаточными для борьбы съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ. Голодь распространившійся въ 1921 году несомнѣнно долженъ разростись къ лѣту 1922 года и грозить получить еще большее распространѣніе въ слѣдующемъ продовольственномъ сезонѣ.

И. Корсаковъ.

Содержаніе.

I. Подготовка голода	2—29
1) Продовольственная политика большевиковъ и постоянный голодь городского населенія	2
2) Сельскохозяйственная разруха при большевикахъ	12
3) Сокращеніе площади посѣва и сборы хлѣбовъ	20
4) Неурожай 1920 года	24
II. Неурожай и голодь 1921 года	29—47
1) Отношеніе большевиковъ къ неурожаю и голоду	29
2) Районы неурожая и голода	32
3) Значеніе неурожая и общій хлѣбный балансъ 1921 года	42

